

ГЛАВА 1

ИМПЕРИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА — *CONTRADICTIO IN ADJECTO?* КОНСТРУИРУЮЩАЯ РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Литературная составляющая имперского национального проекта*

Любовь Киселева

Тема империи находится сейчас в фокусе исследовательского внимания и на Западе, и в России. Труды Уильяма Фуллера [Фуллер], Рикарды Вульпиус [Вульпиус], Мартина Ауста [Ауст], Алексея Миллера [Миллер 2008], [Миллер 2010], Бориса Колоницкого [Колоницкий] и мн. др. историков разви-

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 «Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе». Глава составлена на материале статей автора: Империя как пространство для национального строительства (на примере одного издания) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII. Новая серия. Тарту, 2009. С. 337–360. *Humaniora: Litterae Russicae*; Совместное дело латышей и эстонцев // От слов к телу: Сборник статей к 60-летию Юрия Цивьяна. М.: НЛЮ, 2010. С. 85–92 (Новое литературное обозрение: Научное приложение. Вып. LXXXIX); Литературная составляющая в имперском национальном проекте // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XII: Мифология культурного пространства. Тарту, 2011. С. 217–233; Сборник «Отечество» как проект национального строительства империи // История литературы. Поэтика. Кино. Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М., 2012. С. 147–159 (Новые материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 9).

вают самые разные аспекты проблемы, в том числе проблему имперской идентичности. Однако не следует думать, что подобный подход есть изобретение современного исторического дискурса, следующего за великой книгой Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» [Андерсон]. Соотношение *имперского/государственного* и *национального* рефлексировалось уже в ту эпоху, когда империи (в частности, Российская) были еще реальностью, а не политической метафорой.

Нации — это сравнительно поздний вид групповой самоидентификации. В его создании участвуют культурные элиты данного сообщества, формирующие тот «национальный миф», который выполняет консолидирующую функцию и лежит в основе любой национальной самоидентификации. Б. Андерсон подчеркивал роль «печатного капитализма» в этом процессе, сделав основной упор на газеты. С нашей точки зрения, не менее существенна художественная литература, которая является одним из важнейших средств строительства «национального мифа».

Писатель — это одновременно и носитель мифа, и его создатель. Художественная литература — не этнографическое описание, и национальные образы строятся, конструируются в ней не столько на основании бытовых впечатлений о том или ином народе, сколько исходя из общих мировоззренческих установок, из литературной традиции и, наконец, из поэтики конкретного текста. Писатель отталкивается от стереотипов, созданных до него, и вносит в них свои изменения. Он конструирует образы, которые воспринимаются читателем как нечто органичное, почти что реально существующее или, по крайней мере, возможное в реальности¹. Так, на формирование национального самосознания эстонцев и даже на появление самоназвания *Eestlane* (эстонец), вместо прежнего *maa-*

¹ Зачастую именно писатели становятся в глазах общества «отцами нации». На раннем этапе национального пробуждения эстонцев бесспорными лидерами нации были писатели Ф. Р. Фельман, Ф. Р. Крейцвальд, Л. Койдула, К. Р. Якобсон и др. Здесь и далее в центре нашего внимания будет эстонская культура.

mees (мужик), или *Undeutsche*² огромное влияние оказала поэма Ф. Р. Крейцвальда «Калевипоэг» (1857–1861), которая стала восприниматься как исконный национальный эпос:

Эпос этот долгое время считался народным эпосом, наравне с Гомером, финским «Калевала» и пр., но это было недоразумение. Крейцвальд заимствовал материал из эстонских песен, сказок, преданий, «но сам Калевипоэг, каким он является в поэме, есть создание Крейцвальда <...> Народные предания знают о Калевипоэге только, что он отличался необыкновенною физическою силою и вел борьбу с нечистыми духами», автор присоединил идею возмездия [Отечество: 83].

Не менее важна и репрезентирующая функция национальной литературы, представляющей свой народ, так сказать, внешнему наблюдателю, поэтому степень ее доступности на иных языках, кроме родного, также становится важным фактором национального строительства. В условиях империи, когда национальным меньшинствам необходимо отстаивать свои позиции на общегосударственном уровне и доказывать свою культурную самостоятельность³, литература того или иного народа становится мерилom его зрелости, а его будущее во многом зависит от презентации его культурных достижений на государственном языке.

Кроме того, поскольку в литературе в целом каждый народ существует как бы в нескольких «конкурирующих» зеркалах: в зеркале собственной национальной литературы (которая создает «портрет» нации) и одновременно в литературах других (в первую очередь, соседних) народов, от того, какой образ окажется более влиятельным, также зависят перспективы национального строительства.

Как известно, в Российской империи — и в правительственной политике, и в общественном сознании с середины XIX в. постоянно боролись две (по сути своей — взаимоисключающие) концепции:

² Так именовали эстонцев прибалтийские немцы (остзейцы).

³ Что, в свою очередь, является первым шагом в борьбе за национальное самоопределение и собственную государственность.

1) идея многоэтничности. В Российской империи проживало более 100 наций и народностей, что традиционно воспринималось властью положительно — как предмет гордости, как своеобразное украшение короны, и такой взгляд внушался и подданным. Еще Екатерина II, руководствуясь имперским, в точном смысле слова, принципом многоэтничности, поощряла научные экспедиции для изучения окраинных народов России, а также издание трудов, вроде знаменитой книги И. Г. Георги⁴. В научном отношении эти труды затем были продолжены Русским Географическим Обществом (основано в 1845 г.). Вряд ли следует оговаривать, что они также часто стимулировались политическим заказом и использовались в идеологических целях.

Члены царской семьи увлекались коллекционированием этнографических материалов. Николай II основал Этнографический отдел Русского музея императора Александра III, из которого позднее вырос самостоятельный Этнографический музей. Царь на свои средства выкупил для музея ценные коллекции, он сам и другие Романовы передали музею свои собрания. Этнография страны развивалась достаточно активно, издавалось и большое количество популярной литературы (очень разного качества и достоинства): например, серии брошюр «Народы России» или «Где на Руси какой народ живет и чем промышляет»⁵, а также 12-томная «Живописная Россия — Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» [Живописная], выходящая с 1881 по 1901 гг. под редакцией П. П. Семенова — будущего Тян-Шанского. Эти книги были призваны показать читающей России, сколь велика и разнообразна страна, в которой они живут.

⁴ См. полное название: «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» (1776–1777).

⁵ Издавалось и множество тенденциозных псевдонаучных брошюр (см., в частности: [Брюгеманн; Лескинен; Вишленкова]).

Вместе с тем, сама идея нации, а тем более национальное строительство, национальные движения, стремящиеся к торжеству этничности и этнизации территорий, противоречат природе империи как многонационального государства и угрожают ее целостности⁶. Именно с этим связана другая концепция:

2) идея моноэтничности (доминирования единственно «полноценной» титульной нации, с которой другие, в конечном итоге, должны слиться). С точки зрения имперской власти, все по-своему культивировавшееся богатство и разнообразие этносов безальтернативно объединялось в единое тело — единую и неделимую Россию, Отечество, которое могло расширяться, прирастать землями и народами, но не могло уменьшаться. Самодержавие всегда было центром российской имперской идеологии, а лояльность короне всегда была основным требованием власти к подданным — как к отдельным личностям, так и к нациям. Все общественные силы и движения расценивались (чем дальше, тем больше) с этой точки зрения.

По мере углубления политики русификации, идея того, что в России *много* наций со своими национальными языками и литературами, становилась политически все более острой. Поэтому особенно для идеологов, оппозиционных официальному курсу, было важно привлечь печатное слово и художественную литературу «окраин» к своим построениям.

Отношение к лояльности у российской власти и у ее подданных с национальных окраин существенно различалось. Власть считала лояльность естественной и неотъемлемой *обязанностью* своих *подданных*, а подданные, напротив, воспринимали ее как своего рода товар, средство для достижения своих целей. Печатное слово и, в частности, художественная литература становились в этих условиях все более востребо-

⁶ Тем не менее, история Российской империи двигалась именно в таком направлении, поэтому развитию национальных нарративов уделяется все больше внимания при изучении «имперского измерения истории России» [Миллер 2008: 6].

ванным средством для формирования идеологии — как официальной, так и оппозиционной.

Ниже речь и пойдет о двух проектах, возникших на закате Российской империи и связанных с использованием печатного слова в национальном и имперском строительстве одновременно, с попыткой примирить эти конфликтные начала и добиться своих, в каждом случае — различных — целей. Оба они в большей или меньшей степени связаны с западными регионами Российской империи и, в частности, с Остзейским краем, а также с национальным движением эстонцев и латышей.

«Эсты и латыши, их история и быт»

Сборник под таким названием был издан в Москве в 1916 г., видимо, в конце апреля, т. к. уже 1 мая в петроградской эстонской газете “Pealinna teataja” на него появилась рецензия (см.: [Rets.]). Задумывался сборник гораздо раньше, в самом начале Первой мировой войны. Как сказано о готовящемся издании в тартуской газете “Postimees”: «Идея возникла уже в прошлом <т. е. в 1914> году, была поддержана в Московском обществе эстонских студентов, и осуществление этого дела находится в руках представителей этого общества и латышской общины» [Kaelas]⁷. Опоздание было связано с денежными трудностями. Автор призывал соотечественников помочь изданию и многозначительно замечал: «Сейчас добытками дохода являются только московские эстонцы (через членские взносы). Поскольку денежная поддержка со стороны латышей довольно слаба, то добывание денег ложится на плечи маленькой эстонской общины» [Там же].

То, что идея издания зародилась в диаспоре, вполне закономерно. Те, кто жили в русском окружении, особенно остро чувствовали, как мало знают об Остзейском крае даже в образованном русском обществе:

⁷ Здесь и далее цитаты из эстонских статей приводятся в нашем переводе.

Например, до войны в России господствовало широко распространенное мнение, будто эстонцы и латыши по своему происхождению находятся в близком кровном родстве с немцами. Нельзя скрыть, что представители коренных прибалтийских народов сами являлись причиной подобных предубеждений. Здесь, в большой России, немецкие бонны, немецкие управляющие, винокуры или землемеры на хорошем счету, а об эстонцах и латышах почти никто ничего хорошего не слышал. Поэтому эстонцам и латышам, которые ищут в России места, очень выгодно признать себя немцами, а если это по той или иной причине невозможно, то объяснить, что эстонцы и латыши — это почти один и тот же народ с немцами [Rets.].

Историки, изучая центры эстонской и латышской культуры в Петербурге и в Москве, до сих пор делали главный упор на том, как сохранялись и развивались эстонская и латышская культуры в условиях инонационального окружения. Это вполне соответствовало основным направлениям деятельности, в частности, «Московского эстонского общества»⁸: изучение родного языка, издание газеты, организация школы, церкви, хоров, театра, а также социальная помощь соотечественникам на чужбине. Нам хотелось бы обратить внимание на тот аспект национально-культурного строительства, который далеко не сразу был осознан самой диаспорой как важная *миссия*. Это — *выход за пределы своей общины*, работа по созданию имиджа собственной нации и культуры среди другого народа, в контексте большой империи.

В Остзейских провинциях Российской империи петербургская власть долгое время взаимодействовала только с балтийскими немцами, хозяевами края, лично преданными царской

⁸ Общество с названием «Московское эстонское общество» было зарегистрировано 31.12.1908 г. (см.: [Московское]), однако сами члены считали временем его основания 1900 г., когда было образовано «Московское эстонское благотворительное общество» (см.: [Устав]). С июля 1915 г. оно располагалось по адресу Чистые Пруды, 17 (эти помещения использовало и «Московское общество эстонских студентов»), его деятельность находилась на подъеме, хотя число членов снизилось со 185 до 138 (см.: [Moskva]).

семье. Их особый статус в рамках империи до поры до времени власти не очень волновал (хотя слабые попытки этот статус ограничить все же предпринимались). Коренные жители, эстонцы и латыши, воспринимались по аналогии с русскими крестьянами — как простой народ, требующий соответствующего обхождения (в основном, дисциплинарных мер в случае неповиновения господам). Однако после образования Германской империи в 1871 г., когда стали раздаваться голоса немецких публицистов о необходимости восточным немецким провинциям, т. е. остзейским, также воссоединиться с исторической родиной, а среди остзейцев стал набирать силу германский национализм, положение приобрело неожиданную остроту. К этому времени национальное пробуждение эстонцев и латышей также стало заметным фактором местной жизни. Правительство даже попыталось использовать этот ресурс в своих интересах, хотя делало это не очень ловко и умело⁹.

Таким образом, число акторов в отношениях между имперским центром и балтийской периферией к концу XIX в. заметно возросло. В ситуацию включились, кроме центральной власти:

- 1) русские чиновники, посланные проводить в жизнь правительственную политику, но часто проявлявшие собственную инициативу (см.: [Миллер 2008: 8]);
- 2) остзейские «германские» националисты (см.: [Андреева; Киверик]);
- 3) «лояльные» России остзейцы;
- 4) русские националисты в центре;

⁹ Было бы невозможно перечислить все труды, где затрагиваются проблемы взаимоотношений имперского центра и остзейской окраины. Упомянем лишь некоторые из них: (см.: [Исаков 1961; Karjahärm-Sirk; Karjahärm 1998; Брюггеманн 2002; Brüggemann]; об интересующем нас периоде см., в частности: [Андреева; Карьяхярм 2002]).

5) представители иных, весьма по-разному настроенных общественных кругов России и, соответственно, — печать самых разных направлений¹⁰;

6) немецкие публицисты в Германии (см.: [Виграб; Laaman 1920]);

7) лидеры национального движения эстонцев¹¹ и латышей (разных направлений) и их печать.

Этот список можно продолжать и уточнять.

Словом, национальные движения среди коренных народов и среди прибалтийских немцев из периферийной внутривнутриполитической коллизии превратились в болезненную внешнеполитическую проблему, в борьбу в сфере политических интересов России и Германии. Каждый участник этого процесса вырабатывал собственную стратегию и менял (или не менял!) ее в зависимости от ситуации.

В обмен на лояльность эстонцы хотели добиться хотя бы минимальных условий для собственного национального строительства: получить культурную автономию, достичь решения земельного вопроса и ликвидации немецких привилегий. Однако своя лояльность была и у балтийских немцев, они трактовали ее как личную и добровольную унию с монархией, а остзейские привилегии рассматривали как *обязанность власти* эту самую лояльность оплачивать. Вопрос состоял в том, чья лояльность перетянет, и тут нужны были «группы поддержки». Балтийские немцы имели большие связи в высших

¹⁰ В названных работах (см. предыдущую сноску) авторы касались также и отношения российской печати к остзейскому вопросу. См. также: [Михайлова].

¹¹ Т. Карьяхярм пришел к однозначному выводу, что, несмотря на русификаторскую политику российского правительства, общая ориентация вождей эстонской нации в конце XIX – начале XX вв. оставалась антинемецкой и прорусской (см.: [Karjahärm-Sirk: 275–277; Karjahärm 2007: 198–199]). Более того, вплоть до 1917 г. никто из них не отстаивал идеи независимости Эстонии от России. Актуальной оставалась позиция Я. Тыннисона, высказанная им в 1909 г.: эстонцы являются лояльными гражданами и патриотами России [Karjahärm 2007: 195].

сферах Петербурга. Главным же ресурсом эстонцев и латышей была печать.

Как известно, создание печати на родном языке сыграло в эстонском и латышском национальном строительстве перво-степенную роль. Но в общении с центральной властью, в поисках средств и методов воздействия на нее для продвижения своего «проекта лояльности» нужен был выход за пределы своей общины, на большой печатный рынок на русском языке. Только он мог мобилизовать широкую общественную поддержку эстонскому и латышскому «проекту».

Нас будет интересовать, какие попытки в этом направлении предпринимались и какие применялись дискурсивные практики¹², т. е. какую версию своей ситуации и какой «автопортрет» пытались предъявить российскому обществу эстонцы и латыши. Этот вопрос пока, насколько нам известно, почти не изучен (привлекались лишь речи в Государственной Думе депутатов от коренных народов Эстляндии и Лифляндии).

Основой конструирования подобного дискурса всегда является *образ врага*. Наш случай не исключение. Из двух противников — местных господ и русской власти — роль главного врага была отдана прибалтийским немцам. То, в какой мере коренные народы прибалтийских губерний ненавидели остзейцев, наглядно продемонстрировали события 1905 г. Однако нужен был момент, когда антинемецкая риторика смогла бы получить широкий резонанс и вызвать сочувствие в разных кругах российского общества (не только в правой печати).

Первая мировая война буквально дала шанс в руки, и национальные деятели им воспользовались.

Содержание интересующего нас коллективного труда «Эсты и латыши, их история и быт» недвусмысленно свидетельствует о том, что книга выполняет задачи национального строительства. Делается это последовательно и очень умело. Даже такая, казалось бы, нейтральная статья, как «Прибалтийский

¹² Некоторые дискурсивные сценарии выделил К. Брюггеманн, но его интересовал дискурс «русской Прибалтики» в имперское и советское время [Brüggemann: 85–90].

край. (Географико-статистический очерк)» Скуенекса (М. Скуиниекса) имела отчетливую направленность — подготовить новое административное деление края (что и последовало через год, уже при Временном правительстве). Автор доказывает нецелесообразность разделения эстонцев и латышей между двумя губерниями, т. к. они «по языку, характеру, нравам и обычаям резко отличаются друг от друга» [Эсты и латыши: 274]. Но одновременно Скуиниекс всеми доступными ему статистическими средствами подчеркивает высокий уровень самосознания и культуры этих народов, подтверждая их зрелость, возможность выхода из-под остзейской «опеки»: *поголовная грамотность*¹³, в отличие от остзейцев, где «среди прибалтийского дворянства больше неграмотных, чем среди крестьян» [Эсты и латыши: 284].

На титуле сборника «Эсты и латыши...» обозначена серия: «В Прибалтийском крае», что указывает на замысел издателей продолжать знакомить читателей с «малыми» «коренными» народами края (оба определения были для авторов концептуальными). Первое должно было указывать на мирный и — косвенно, в контексте эпохи — угнетенный характер этих народов, а второе — с особой силой подчеркнуть основную концепцию сборника: немцы — пришельцы, а эсты и латыши — исконные обитатели этой земли, им, а не остзейцам она и должна принадлежать.

Сборник состоит из 12 статей, но пронизан единством концепции. Она может быть изложена в следующих тезисах:

1. Немцы — главные враги эстонского и латышского народов. Они всегда и во всем руководствовались только своими сословными и материальными интересами.

2. Прибалтийские немцы — совсем не носители и распространители культуры, а бессовестные эксплуататоры.

3. Русское правительство виновно, главным образом, в том, что не только не ограничило привилегий немцев, но даже вос-

¹³ Тут автор несколько приукрашивает картину: приведенные им данные свидетельствуют о высоком, но не о 100%-ом уровне грамотности коренных народов [Эсты и латыши: 283].

становило те, что были отменены шведами (тут главный виновник — Петр I), и далее всегда шло на поводу у остзейцев: Александр I освободил крестьян, но отобрал землю (из-за того, что проект писали бароны!). Великие реформы Александра II так и не получили в крае должного распространения. Даже русификация Александра III вместо того, чтобы ударить по немцам и положить предел господству немецкого языка, вылилась в обрусение народной школы коренных народов и ограничения на употребление эстонского и латышского языков.

4. Эстонцы и латыши добились больших успехов в развитии своей национальной культуры — не с помощью немцев и русских, а вопреки тем препятствиям, которые чинили и те, и другие (особенно остзейцы!). Показатели высокого уровня: почти поголовная грамотность, развитие национальной журналистики, печатного слова, литературы, театра, а также кооперации, ссудо-сберегательных касс, рождение своей интеллигенции и буржуазии и пр.

5. Коренные народы Прибалтики давно созрели для самостоятельного существования. Русское правительство должно провести давно обещанные реформы, чтобы обеспечить широкую автономию именно коренным народам, освободить их из-под власти остзейцев.

6. Русское общество, которое еще мало осведомлено о действительном положении дел в Прибалтике, должно поддерживать справедливые требования коренных народов и обеспечить им общественную поддержку.

Авторы, чьи работы собраны под одной обложкой усилиями анонимной издательской комиссии¹⁴, были людьми различной политической ориентации, что отразилось на их последующей судьбе. Однако среди авторов сборника могли быть и его инициаторы. Возможно, одним из них был эстон-

¹⁴ «Издательская комиссия» — это подпись под предисловием к сборнику. Как явствует из процитированного выше уведомления [Kaelas], в нее входили деятели Московского общества эстонских студентов, деятели латышской и эстонской московской диаспоры.

ский юрист Пеэтер Руубель (Peeter Johannes Ruubel, 1885–1957), написавший статью «О социально-политических стремлениях эстской интеллигенции»¹⁵. Он учился сначала в Тартуском, потом в Московском университете и принимал участие в деятельности как группировки “Noog-Eesti” [Ruubel 1918: 51], так и Московского общества эстонских студентов и Московского эстонского общества. В 1915–1918 гг. он служил в Петрограде, а до этого успел недолго поработать в Эстонии [Ruubel-50]. Он мог быть хорошим связующим звеном между разными городами и деятелями. В период образования самостоятельного эстонского государства Руубель был одним из разработчиков закона об автономии, а затем — конституции Эстонской Республики. Зато другой юрист — редактор сборника и автор программной статьи Михаил Андреевич Рейснер (1868–1928), ученик А. Л. Блока, — стал потом одним из авторов первой конституции РСФСР.

Среди участников труда «Эсты и латыши...» были упомянутый выше будущий член латышского Сейма и премьер-министр Латвии статистик Маргерс Скуениекс (Скуенек в русской огласовке; 1886–1941), расстрелянный коммунистами, и латышский революционер, историк Карл Иванович Ландер (1883–1937), член компартии с 1905 г., занимавший потом в Советской России крупные должности¹⁶. С ним соседствуют позднее погибший в сталинском лагере Рейн (Роман) Элиасер (Rein Eliaser, 1885–1941)¹⁷ и член кадетской партии, глас-

¹⁵ Она явилась русской версией его эстонской работы [Ruubel 1914]. Ср. также более позднюю его книгу: [Ruubel 1920].

¹⁶ Ему принадлежат в сборнике две статьи: «Очерк развития аграрного строя Латвии и Эстонии» и «Латышская интеллигенция и ее социальные стремления». Они продолжали его работы о Прибалтийском крае в многотомной «Истории России в XIX веке» (СПб., 1906–1907).

¹⁷ Рейн Элиасер — выпускник Рижской духовной семинарии, учился на юридическом факультете Казанского университета, окончил Тартуский университет в 1910 г., адвокат, член Эстонского парламента в 1931–37 гг. [Eliaser-50]. Его статья в сборнике — «Роль дворян в местном самоуправлении Прибалтийского

ный Петроградской городской думы адвокат Эммануил Абрамович Дубос(с)арский (1879–1920, расстрелян большевиками в Керчи)¹⁸. Рядом с русским педагогом из Риги Сергеем Алексеевичем Золотаревым¹⁹ находим великого лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), коллегу редактора сборника по Петроградскому университету²⁰.

Через все 12 статей проходит мысль об остзейских немцах как поработителях, угнетателях, которые принесли неисчислимы бедствия эстонцам и латышам, но которые вредны также и России, ее интересам. Любопытно, как антинемецкая риторика не просто конструирует образ врага, но и умело эксплуатирует концепт лояльности: остзейцы — сепаратисты, а эстонцы и латыши — верные сыны России. Понятно, что такая позиция была рассчитана на подцензурные условия военного времени, на правительственные и националистические круги России. Поэтому в предисловии упор делается на лояль-

края» — явилась продолжением двух ранее опубликованных на эстонском языке работ: [Eliaser 1911; Eliaser 1914].

¹⁸ Его статья называется «Несколько слов о суде присяжных в Прибалтийском крае».

¹⁹ Ему принадлежит статья «10 лет в Прибалтийской школе». Золотарев был составителем многих хрестоматий по литературе, методических разработок, а также книги «Очерк по истории учительского объединения в России» (Пг., 1915).

²⁰ Пока нам не удалось установить, кто скрывается под псевдонимом Senex (статья «Латышская народная школа») и кто такой П. Семенов (о статьях Семенова и Бодуэна см. ниже). Автор статьи «Экономические и культурные успехи латышского народа» И. Лапин — это, скорее всего, латышский журналист, писатель и педагог Jānis Eduards Lapiņš (1885–1941), в 1910–1915 гг. учившийся в Московском коммерческом институте, где получил степень кандидата экономики, и в 1914–15 гг. изучавший литературу в народном университете Шаньявского. В 1917 г. стал одним из основателей Национально-демократической партии, в 1917–18 гг. — членом Земского совета и Временного правительства Латвии. В 1920–30-е гг. — крупный общественный и политический деятель Латвийской Республики. Сердечно благодарю Л. Спроге и Б. Равдина за ценные консультации.

ности русскому народу и на устранении всякой мысли о сепаратизме (которая в самой книге звучит более чем явственно). Вот цитата из предисловия: «Сепаратисты в крае не эсты и латыши, а кучка всесильных магнатов, держащих страну в сетях обмана и своеволия» [Эсты и латыши: VIII]. И тут издатели с удовольствием ссылаются на публицистов «Нового времени» и вполне солидаризируются с их антинемецкой риторикой, махровой шпиономанией и поиском врагов, а на другие органы русской печати, которые пытались остановить эту разнузданную травлю прибалтийских немцев, даже обижаются, возмущаясь защитой «баронов». Цель такова: русские должны понять, кто им «свои»²¹, а кто «чужие». В ход была пущена и вполне традиционная ура-патриотическая риторика военного времени: «Эсты и латыши счастливы и горды сознанием, что настоящая ужасная и кровавая война дала им возможность <...> на боевом фронте стать плечом к плечу с русскими героями против своих врагов и поработителей — немцев» [Там же: XI–XII]. Бороться же с немцами за свою национальную самобытность эсты и латыши обещают «при помощи русских и русской культуры» [Там же: XI]. Конечно, это была риторика-

²¹ Согласно предисловию, латыши вообще оказываются почти славянами, и утверждается это со ссылками на научные данные. Приведем цитату, чтобы была очевидна система смысловых сдвигов, к которым прибегают авторы для достижения своих целей: «Гораздо больше сродства в этнографическом отношении у нас (латышей) с самими русскими. Латыши — племя литовское, довольно близкое к полякам, и входящее в состав так называемых балтийских славян. Проф. Поржезинский на основании филологических данных сближает их еще больше: он говорит об общем балтийско-славянском праязыке, из которого вышел и язык латышский, частнее <sic!> относимый им к группе балтийских языков (не-германских)» [Эсты и латыши: X]. Такой конъюнктурный подход был осужден эстонским рецензентом, полагавшим, что неразборчивость в средствах может только подорвать авторитет издания [Laaman 1916].

ка²², и характерно, что предисловие было резко осуждено рецензентом, который назвал его «уродом» [Laaman 1916]²³.

Однако пробавляться только ура-патриотической риторикой в духе «Нового времени» было не очень перспективно, поэтому она была использована в предисловии, а в дальнейшем тексте редуцирована. Гораздо больший отклик могла найти у русского читателя мысль о несправедливости, угнетении, тотальном подавлении немцами коренных народов. Эта мысль нашла самое яркое отражение в статье М. А. Рейснера «Немцы и балтийская культура». Пером опытного публициста развенчивает он миф о культуртрегерской роли остзейцев в Прибалтийском крае, а также в России в целом, и полемически откликается на выпады германских националистов и опровергает также их мифы²⁴. По мысли Рейснера, остзейцы заботились лишь о своих выгодах, поэтому готовы были отдаться даже Ивану Грозному: «И если бы Атилла согласился подтвердить их привилегии, они признали бы его своим высшим

²² Нельзя не согласиться с Т. Карьяхярмом, который, приведя несколько весьма выразительных ура-патриотических высказываний эстонских газет 1914–15 гг. в поддержку победы русского оружия, заметил, что это была «скорее тактика, чем внутреннее убеждение» [Kaŗjahärm 1998: 205]. Однако некий ответ реальности на ней все же был. Карьяхярм приводит данные о большом числе эстонских *добровольцев*, отправлявшихся на фронт, и пишет об отличии между антирусской и прогерманской позицией финнов и прорусской ориентацией эстонцев, совсем не желавших победы Германии.

²³ Автор рецензии — Эдуард Лааман (1888–1941), крупный эстонский журналист, общественный и политический деятель. Учился на юридическом факультете Петербургского университета в 1908–1912, был членом Петербургского общества эстонских студентов. Принимал активное участие в становлении Эстонской Республики (секретарь Временного правительства Эстонии в 1918 г.). Был пресс-атташе посольств Эстонии в Лондоне и в Москве. Расстрелян в Кировской тюрьме.

²⁴ Материалы упоминавшейся выше статьи историка И. Киверика об антирусских немецких изданиях [Киверик] подтверждают адекватность изложения Рейснера (см. также: [Виграб]).

суверенным господином» [Эсты и латыши: 28]. Эти законченные крепостники были готовы, как считает автор, «одинаково служить и польскому Сигизмунду, и русскому Петру» [Там же: 45], лишь бы те защищали их интересы.

Характерно, что пафос статьи был тут же поддержан строгим рецензентом:

Прибалтийские немцы, которые считают себя форпостами немецкой культуры, на самом деле на каждом шагу попирают немецкую культуру во имя своих сословных интересов. Если бы завоеватели Прибалтики действительно несли немецкую культуру, как это любят утверждать их историки в последнее время, то к настоящему моменту не сохранилось бы и следов эстонского и латышского народов — они давно и с легкостью были бы онемечены. Только узкая немецкая сословная политика и групповая отгороженность позволили коренным народам сохраниться — чудесный пример того, как у плохого явления могут иметься и положительные последствия [Laaman 1916].

Лааман и другие эстонские рецензенты с удовольствием отмечали, что под пером русских авторов сборника антинемецкие (как и анти-русификаторские) выпады звучат гораздо более убедительно и отводят подозрения «в националистических преувеличениях со стороны коренных народов».

Наряду с яркой антинемецкой риторикой в сборнике присутствует и критика действий русской власти в Прибалтийском крае. Иногда она звучит приглушенно, а иногда и очень отчетливо. Например, тот же Рейснер пишет о «поистине варварском нашествии русских полчищ» на Лифляндию в XVI в. [Эсты и латыши: 28], о «страшном опустошении Лифляндии, сопровождавшимся безмерным грабежом и свирепостью» при Петре [Там же: 28–29], о «полуазиатском владычестве русских в XVIII в.» [Там же: 39]. Его вывод: именно русская власть обеспечила немцам подлинное владычество в крае и полностью подчинила им местные народы.

Критика русской политики имела двойную направленность: это было обращение к оппозиционному русскому общественному мнению, в котором она могла найти отклик, но и к либеральным кругам в правительстве, которые должны были про-

никнуться сознанием вины и ускорить давно ожидаемые реформы в крае.

Однако инициаторы издания понимали, что добиться желаемых ими результатов (что составляло главную цель сборника) лишь на основе негативной риторики невозможно. Поэтому был включен еще один важный механизм — *риторика успеха*, т. е. демонстрация достижений коренных народов. Вот что пишет, например, П. Семенов об эстонцах в статье «Эсты. Культурно-исторический очерк»:

Сопоставим первую половину XIX столетия и современность в жизни эстов — глазам не верится, какая произошла здесь перемена. Тогда перед нами несчастный, приниженный раб, лишенный благ материальных и духовных, ныне — молодая, крепкая нация, смело и твердо подвигающаяся по пути самоопределения, несмотря на все препятствия [Эсты и латыши: 162–163].

Далее в этой статье и в других перечисляются достижения: хорошие урожаи, получаемые крестьянами благодаря использованию передовых методов и сельхозмашин, рост уровня жизни и образованности. Грамотность традиционно высока, издается 40 газет и журналов, число студентов-эстонцев в университетах достигло 800, растет городское эстонское население, а также число эстонских учителей, адвокатов, инженеров, чиновников и пр. [Там же: 164–166] (ср. с наблюдениями современных историков)²⁵. Приведен и очерк развития «высо-

²⁵ При всей болезненности проводившаяся в конце XIX – начале XX вв. политика русификации имела результатом усвоение государственного языка, что открывало гораздо более широкие возможности для получения образования, а также для карьеры. Историки пишут о стремительном росте с конца XIX в. числа чиновников-эстонцев на государственной службе [Миллер 2008: 63–64]. Т. Таннберг продемонстрировал, как стремительно росла численность кадровых офицеров-эстонцев в российской армии — осенью 1917 г. их было около 3 тыс., что составляло 1,2% всего офицерского состава [Таннберг: 138]. Такой перечень возможностей, умело «схваченных» в рамках лояльности, можно было бы продолжить.

кой» эстонской культуры, в том числе деятельности группировки “Noor-Eesti” [Эсты и латыши: 170].

Итак, авторы сборника не только приводили примеры несчастий и унижений, не только клеймили врагов и осуждали близорукую политику русского правительства в остзейском вопросе, но показывали, что империя будет иметь гораздо меньше проблем, если пойдет навстречу национальным чаяниям коренных народов балтийских провинций.

Посмотрим теперь более внимательно, как эта концепция была воспринята и отражена в эстонских газетах того времени, издававшихся как в Эстонии, так и в столице империи. Речь пойдет об уже упоминавшихся статьях в знаменитом тартуском «Почтальоне» (Postimees), в петроградском «Столичном вестнике» (Pealinna Teataja) и в «Таллиннском Вестнике» (Tallinna Teataja). Важно, что, как и сам сборник, эти статьи сочетают взгляд *извне* (из Петербурга и Москвы) и *изнутри* (пишут эстонцы, для которых все, о чем говорится, составляет кровный интерес)²⁶.

Еще до выхода книги в тартуской газете развивалась мысль о том, что эстонцы должны работать над созданием выгодного имиджа своей нации и культуры в России, особенно в среде русского образованного общества. Для финансирования подобной широкомасштабной работы предлагалось даже создать специальный фонд — «Капитал для ознакомления с Эстонией» при Эстонском литературном обществе (см.: [Eesti]). По-

²⁶ Характерно при этом, что в письме из Москвы А. Каэлас (см. ниже), возможно, имевший непосредственное отношение к изданию, в предисловии для эстонских читателей группирует авторов сборника по национальному признаку: эстонцы, латыши, русские и другие (М. Рейснер и Бодуэн де Куртенэ). В рецензии Лаамана деление дается не столько по национальному признаку (хотя сказано, что русские статьи — самые острые), сколько по политической ориентации: «В статьях латышей иногда очень видно, что они — чистой воды марксисты. Проф. Рейснера считают если не совсем красным, то розовым. И деятели эстонской московской комиссии, сколько мы о них знаем, не правее кадетов» [Laaman 1916].

этому уже в первой статье, где давалась предварительная информация о сборнике, подчеркивалось, что «Эсты и латыши...» — первая ласточка, которая поможет преодолеть бытующие в русском обществе предрассудки относительно эстонцев и латышей, облик которых в глазах русского правительства и общества исказили остзейцы. Второй важный момент — надежда на то, что издание поможет продвижению реформ в крае [Kaelas²⁷]. Исходя из этого, и в данной статье, и в последующих рецензиях книга оценивалась положительно.

Итак, и содержание сборника, и его целевые установки были восприняты хорошо. Однако, пожалуй, более интересна содержавшиеся в рецензиях критика и соображения общего характера.

«Столичный вестник» видит главный недостаток в отсутствии в книге «Эсты и латыши...» капитальных работ, в малом внимании к современному состоянию местного самоуправления, к событиям 1905 года. Когда рецензент пишет: «Поскольку эта книга выросла из потребностей жизни и ставит перед собой практические цели, то ее содержание достаточно легковесно и поверхностно» [Rets.], — он как будто учитывает прагматику издания, но для него это не является оправданием. Он думает, в первую очередь, об эстонском читателе, поэтому выделяет статью М. Рейснера и особенно рекомендует ознакомиться с материалами о соседях — латышах. Имеются и элементы национальной самокритики: мы уже цитировали вывод

²⁷ Александр Каэлас (1880–1920) — выдающийся эстонский православный богослов, философ и психолог. Выпускник Рижской духовной семинарии (1901), Московской духовной академии (1905) и Московского университета (1911), член Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., приват-доцент Московского (1914–1919) и Иркутского (1919–1920) университетов. В 1919 г. заочно избран профессором философии Тартуского университета и кандидатом на кафедру правящего архиеерея Эстонской Православной Церкви — епископа Таллиннского и Эстонского (после мученической кончины первого эстонского епископа Платона). Занять ни одну из этих должностей ему не было суждено — он скончался в Иркутске от тифа.

рецензента о том, что предрассудки относительно коренных народов возникают из-за того, что они сами, в поисках выгодного места во внутренних губерниях России, выдают себя за немцев или за родственные им народы.

Самая интересная и концептуальная рецензия написана Эдуардом Лааманом. Он тоже отмечает «конспективный характер» статей об эстах и латышах и уделяет главное внимание статьям об Эстонии и эстонцах. И все же, кроме статей Рейснера, Элиасера, Руубеля, речь идет и о работах Ландера, Лапина, Золотарева. Однако самое существенное в его рецензии — это выстраивание идеологического контекста, исходя из проблем и недочетов национального строительства. Здесь и отмеченная рецензентом «скромность» эстонских и латышских авторов по сравнению с русскими, и косвенный призыв не упиваться собственными достижениями, в частности, положительной статистикой:

Преподнесенные в цифрах, достижения латышской культуры могут вызвать зависть в большой России: примерно 1000 обществ и сообществ, пресса, где только одной газеты печатается 90.000–100.000 экз., литературной продукции издается 2–10.000 экз. и т. п. Однако это лишь внешняя сторона культуры и всего только начало [Laaman 1916].

Э. Лааман считает, что национальная пресса еще далека от «народности»:

Подобно тому, как большая российская печать вертится вокруг политических интриг и пустяков, оставляя почти без внимания глубинную жизнь государства, так и наша пресса освещает из жизни родины только общества, сообщества, праздники, опять праздники, сообщества, общества, иногда какой-нибудь несчастный случай или преступление, — действительно, порой по письму зарубежного корреспондента в столичную газету можно получить гораздо более живое представление о жизни во Франции и в Англии, чем по нашей печати о нашей родине [Там же].

Рецензент высоко ставит сборник «Эсты и латыши...» в первую очередь за то, что поднятые там вопросы и их трактовка дают иной масштаб местным реалиям. Книга для него — это

зеркало, которое призвано дать новое отражение прибалтийской ситуации не только русскому обществу в большой России, но и самим коренным народам, которые должны взглянуть на себя в новом ракурсе. Поэтому в своей рецензии Лааман подчеркивает, что книга позволит эстонцам больше узнать о себе — не из фактов (которые им известны), а из-за их неожиданной трактовки: «Такие обзоры нашего положения, сделанные для чужих, придают им более глубокую перспективу, которая позволяет сделать неожиданные наблюдения, замечания и выводы» [Laaman 1916]. Одну из опасностей для местного национального движения автор усматривает в узости взгляда, в разобщенности, в постоянных спорах и полемиках. Так, он замечает о работе Ландера:

Когда читаешь статью, невольно закрадывается мысль: не потому ли у нас, малых народов, так много трений и споров, что мы почти совсем не знаем жизни и опыта друг друга? И у больших народов почти такие же малопродуктивные «провинциальные» трения, но там общий большой масштаб помогает ощутить разницу между пустяками и важными вещами. В жизни малых народов тоже много общего и всеобщего, но опыт каждого остается в его собственных узких границах, среди провинциалов нет лидера, который бы собрал и обобщил опыт отдельных членов общины [Там же].

Лааман ставит перед своими читателями ответственные задачи: «Сейчас народы большой России делают только первые шаги к тому, чтобы ознакомить с собой друг друга. Нужно идти гораздо дальше. Знакомство должно вылиться в контакты, в дружеское сотрудничество, совместную деятельность народов» [Там же].

Пафос рецензии далеко выходит за пределы рядового обзора книжной новинки. И здесь автор переключается с точки зрения, высказанной в сборнике «Эсты и латыши...» в замечательной статье И. А. Бодуэна де Куртенэ «Дерпт — Юрьев: (К вопросу о «равноправии»)», которая удивительным образом в обзоре Лаамана не упомянута.

Кажется, будто Бодуэн повествует о частном случае — о праздновании столетия Императорского Юрьевского уни-

верситета, когда все местные приветственные речи (даже немцами) произносились на русском языке. Только профессор Шмурло решился сказать фразу по-немецки, а проф. Блауберг из Одессы процитировал по-немецки стихотворение. Разумеется, Бодуэн, профессор Петербургского университета, сказал свою речь по-немецки, что вызвало слезы умиления и восторг у присутствующих — не только немцев, но и русских. Он поясняет свой жест стремлением разорвать порочный круг.

Бодуэн вспоминает, что в бытность его в Дерпте²⁸, пока университет был Дерптским и власть находилась в руках немцев, его тогдашние коллеги — немецкие профессора — презирали эстонцев, а студенты «позволяли себе иногда грубые выходки, прямо оскорбительные для эстонского населения» [Эсты и латыши: 261]. Бодуэн рассказывает, что тогда лекторы латышского и эстонского языков получали жалованье на уровне надзирателя (педея) — на треть меньше, чем лекторы западноевропейских языков. Ходатайство Бодуэна об увеличении жалованья лектору эстонского языка Михкелю Веске, которого он аттестует как большого ученого и первоклассного финноугроведа, совет забаллотировал. Дело кончилось отъездом Веске в Казань, где он получил место профессора. В новых же условиях русификации, когда университет сделался Юрьевским, уже немцы испытали на себе гнет официальной языковой политики.

Призыв Бодуэна — отказаться от языкового фанатизма, соблюдать безусловную терпимость и равноправие. Прочитываем отрывок из его немецкой речи 1902 г., которую он приводит в статье в переводе на русский:

Как в голове одного человека, точно так же в любой стране могло бы несколько языков уживаться рядом спокойно и дружно и относиться друг к другу с полной терпимостью. В здешнем крае, рядом с государственным языком, <...> рядом с языком великих русских мыслителей и поэтов, должны бы, по историческим и этнографическим соображениям, пользоваться полною равноправ-

²⁸ И. А. Бодуэн де Куртенэ был профессором Дерптского университета с 1883 по 1893 гг.

ностью еще три следующих языка: язык *немецкий*, не немецкий язык гонителей и притеснителей, но немецкий язык ученых и художников, да кроме того языки *эстонский* и *латышский* [Эсты и латыши: 270].

Бодуэн де Куртене (поляк и потомок французских королей, русский профессор и борец за самостоятельность Польши, а в 1920-е гг. в Польской Республике — борец за права национальных меньшинств, в том числе, русского) пишет о том, что единственный путь разрешения национального вопроса «сводится именно к проведению в жизнь полного равноправия как отдельных лиц, так и всевозможных человеческих коллективов и к полному прекращению гонения людей за одно их происхождение» [Там же: 261].

Такая позиция во все времена требует высокого нравственного и культурного уровня, и то, что она прозвучала в книге «Эсты и латыши...», достойно быть отмечено особо.

Выше мы сосредоточили свое внимание на «эстонской» части сборника (последний рассмотренный нами автор, Бодуэн де Куртене, был также связан с Эстонией). Теперь обратимся к «латышской» части издания. В целом она находится в русле общей концепции сборника. Однако, как мы постараемся показать, статьи о латышах не только доминируют количественно по сравнению с «эстонскими» (5:2), но и выделяются некоторыми важными особенностями.

В первую очередь, латыши гораздо более радикальны, что, напомним, сразу было отмечено эстонскими рецензентами: «В статьях латышей иногда очень видно, что они чистой воды марксисты» [Laaman 1916: 2]. Конечно, «чистой воды марксист» — один, Карл Ландер, и вполне закономерно, что в статье «Латышская интеллигенция и ее социальные стремления» он представляет историю латышского национального движения как неуклонное движение к марксизму [Эсты и латыши: 195 и далее]. Однако и Иван Лапин (J. Lapiņš) в статье «Экономические успехи латышского народа» утверждает: «Можно сказать, что латышский пролетариат не знает другой такой одушевляющей всех идеи, как социализм. Латышский рабо-

чий, если он политик, то непременно социалдемократ» [Эсты и латыши: 215–216].

Ландер и Лапин подробно описывают историю латышского национального возрождения, характеризуя его деятелей, печатные издания и пр. Однако позиции этих авторов все же не идентичны. Лапин более подробно останавливается на деятелях первого этапа, чья активность и привела к тому, что латыши обрели свою национальную культуру и поднялись экономически. Автор дает впечатляющую статистику, сравнивая положение в Латвии и во внутренних губерниях России, подчеркивая при этом, что «вся Латвия по народонаселению меньше Рязанской или Воронежской губернии» [Там же: 223].

Обратим внимание на то, что именно в латышских статьях, вопреки тогдашнему официальному территориальному делению, употребляется название «Латвия». Это соответствовало одной из программных установок издания — добиться нового административного деления края по этническому принципу, на Эстонию и Латвию, что было осуществлено через год, в апреле 1917-го. В сборнике о нецелесообразности тогдашних губернских границ Эстляндии, Лифляндии, Курляндии специально писал М. Скуиениекс [Там же: 274].

Лапин с гордостью пишет, что газет и журналов на латышском языке выходит около 60, причем ежедневных газет — 12 [Там же: 221]. Они доступны по цене, и в каждом крестьянском доме газета имеется обязательно, при этом каждое почтовое отделение в Латвии получает русских газет не менее, чем в русских губерниях. Продолжая свой сравнительный анализ, Лапин подчеркивает, что «газеты латышей во многом отличаются от русских, т. к. большинство газет издается для простого народа. Все они несравненно популярнее <т. е. ориентированы на народное чтение. — Л. К.> русских газет». Автор замечает, что русские земские деятели часто не знают, какую газету выписать для простого народа, потому что они или слишком сложны, или «слишком бульварны. У латышей нет газет, которые не мог бы читать весь народ» [Там же: 222]. Учитывая сравнительно высокий уровень «латышского простонародья», газеты печатают много статей по сельскому хо-

зййству, по вопросам культуры. По числу выходящих на родном языке книг латыши находятся на четвертом месте в России, а по их стоимости (дешевизне) — на третьем, после поляков. Латышские писатели издаются тиражом от 3 до 10 тыс. экземпляров, а Блок, Бальмонт, Верлен на русском языке — 1–2 тыс. экземпляров, при этом латышская интеллигенция читает еще и по-немецки, и по-французски, и по-русски [Эсты и латыши: 222].

Если Ландер стремится объяснить все происходящие в Латвии процессы социальными факторами, то Лапин много внимания уделяет национальному характеру. Его характеристика латышей внутренне полемична по отношению к тому образу, который был когда-то создан Г. Меркелем и подхвачен русскими публицистами (с одной стороны, забитый и угнетенный, а с другой — веселый и услужливый народ):

Латыши не очень общительны, но все-таки не угрюмы и не забиты. Среди них чаще всего попадаются два типа — добродушный, близкий к Франциску Ассизскому, и тип жадного приобретателя, который до низости не стесняется средствами. Как недавние рабы, латыши не отличаются темпераментом. Для приволья, танцев, искусства латыш не имеет много досуга: он вечный труженик. Вот почему душа латыша по виду очень серая, но в самом деле он высечен из гранита и во многих стремлениях проявляет удивительную настойчивость. Несмотря на это, в латыше много душевных черт, родственных русским: добродушие и любовь к широкой жизни. С другой стороны, в нем сравнительно крепка душевная дрессировка, немецкий меланхолизм, аккуратность. Латыш по своим душевным качествам стоит на полпути между русскими и немцами, с оригинальными чертами литовско-латышской расы. Сравнительно с другими народностями России отличительная черта латышей — трудолюбие: именно трудом он побеждает своих врагов. Труд латыша научила его суровая судьба. Природа Латвии, особенно Лифляндии, неблагодарна. Сколько здесь песчаных и глинистых холмов! Русские крестьяне здесь скоро разорились бы [Там же: 216–217]²⁹.

²⁹ В этой приподнятой характеристике латышей в сравнении с соседними народами хотелось бы в первую очередь выделить черты

Лапин стремится всячески подчеркнуть произошедшие в конце XIX – начале XX вв. изменения: «Латышский народ — это великан, выздоравливающий после вековой болезни, разрывающий цепи, которые столетиями привязывали его к барской сохе» [Эсты и латыши: 208]. Он настаивает на том, что латыши перестали быть только крестьянским народом³⁰ и сделали культурной нацией:

Латыши имеют не только все сословия и классы населения, но и свою довольно богатую, хотя еще неглубокую национальную культуру, обширную литературу, свои театры и оперы и даже мечтают о национальной высшей школе. Правда, и сейчас в Латвии еще много угнетенных крестьян и рабочих, но даже эти крестьяне и пролетарии не чужды сознания своего достоинства; нередко такой угнетенный становится носителем культурных начал в своем народе, стоит во главе просветительных и земледельческих обществ, выступает как певец хора, артист любительской сельской труппы и т. д. Рядом с ним стоит зажиточный крестьянин; это человек, который живет в просторных комнатах с залом, с мягкой мебелью и роялю; сын его — студент, а дочь — гимназистка или курсистка. Он машиной пашет, машиной сеет и жнет, нередко делает экскурсии в Швецию и Данию, чтобы изучить новейшие способы хозяйства³¹. Этот крестьянин не пропускает случая, чтобы повидать лучшие спектакли или народные праздники в своей национальной столице — Риге [Там же: 209–210].

самокритики, которые служат наиболее веским доказательством зрелости латышской нации.

³⁰ Описывая процессы урбанизации, отток латышского населения в города, автор одновременно утверждает: «Но деревня от этого не ослабела: благодаря чрезвычайно быстрому распространению сельскохозяйственной культуры и машинного труда, латышское крестьянство до сих пор считается самым сильным классом в Латвии» [Эсты и латыши: 215].

³¹ Последнее утверждение отчетливо полемично по отношению к устойчивому взгляду, сформировавшемуся в XIX в. под влиянием немецкой публицистики, согласно которому успехи сельского хозяйства и применение новых сельскохозяйственных технологий в Прибалтике связаны исключительно с деятельностью остзейских землевладельцев.

Еще одна важная тема — это дискриминационное положение прибалтийских крестьян по сравнению с ситуацией во внутренних губерниях России. В 1860-е гг. «русские крестьяне были наделены землей, а латышские должны были пожертвовать целое поколение, чтобы за дорогую плату откупить родную землю» [Эсты и латыши: 213]. Коренным прибалтийским народам достались лишь «лохмотья великих реформ» [Там же].

В латышских статьях остро ставится тема русификации, судьба латышской народной школы. Вообще обвинения в адрес русского правительства звучат гораздо громче, чем в эстонских статьях. Чего стоит хотя бы фраза: «Великая Северная война погубила всю культуру в Лифляндии, да еще больше половины всего населения» [Там же: 216].

Чтобы наглядно представить русскому читателю, что означает правительственная политика в области просвещения, Лапин приводит выразительную аналогию:

С первого дня ученик в школе должен был говорить только по-русски. Что это значит, можно понять, если вообразить, что в русской деревне с первого дня поступления в школу крестьянский мальчишка должен был бы говорить только по-французски или по-английски и не смел бы молвить ни слова на родном языке. Школа становится средством пытки [Там же: 218].

Не менее выразительны примеры русского педагога Сергея Золотарева, десять лет проработавшего учителем в Лифляндии в 1890-е гг. Он приводит мнение хозяина имения, где был домашним учителем и одновременно преподавателем в народной школе, графа Палена. Тот заявлял, что «латышей и не следует учить русскому языку и по-русски, что латыши примитивный, мало-культурный народ, не имеющий исторической литературы, и его не следует выводить из того умственного состояния, которое соответствует его социальному положению» [Там же: 248].

Такова была позиция немцев, но не лучше была и позиция российских чиновников от просвещения, которые требовали, чтобы с крестьянскими детьми, вопреки педагогическому смыслу, с первого дня занимались по-русски учителя, которые

сами плохо владели этим языком. Золотарев приходит к выводу, что это была не случайная оплошность, а сознательная установка, что русский язык использовался правительством как тормоз умственного развития латышей. Подлинное приобщение к русскому языку и культуре считалось ненужным и даже опасным, поэтому читать с учениками книги и просто разговаривать вне урока по-русски запрещалось. Преподавать же требовалось не по правилам педагогики, а так, как прикажет инспектор. Среди учителей скорее поощрялось пьянство, чем чтение книг, а русские книги и журналы даже отбирались [Эсты и латыши: 249]. В угоду идеологии от педагогов требовали «одурачивать учеников», как выразился Золотарев, рассказывая о том, что следовало «доказывать славянское происхождение императрицы Екатерины II», возводя слово «Цербстский» (Anhalt-Zerbst) к «сербский» [Там же: 252].

С пафосом Золотарева вполне солидарен и народный учитель Senex. Он подчеркивает, что русификация послужила причиной деградации умственных запросов как учеников, так и учителей, падению уровня просвещения. Вот его вывод:

Народу не нужно ни клерикализма, ни русификации; ему нужно просвещение, подготовка молодого поколения к жизни, к службе своей родине, своему отечеству, всему человечеству. Что знание русского языка для латышей необходимо, против этого никто не спорит. Но мы требуем, чтобы нам гарантировали неприкосновенность нашей национальности, сохранение самобытности нашей культуры [Там же: 242]³².

Итак, можно сказать, что «латышская» часть сборника особенно критична к российской политике в Прибалтийском крае и более настойчива в требованиях по ее изменению. По мнению авторов, эта политика, вопреки здравому смыслу, репрес-

³² Кстати, на фоне резкого антинемецкого (точнее — антиостзейского) пафоса сборника статья Senex'a «Латышская народная школа (По впечатлениям народного учителя)» выделяется тем, что говорит и об определенной положительной роли, которую сыграли немцы (пусть и под давлением извне) в организации просвещения латышей [Эсты и латыши: 231–233].

сивна по отношению к коренному населению края и служит поддержкой его врагам, которые одновременно являются и врагами России. Немецкое владычество держится на русских штыках [Эсты и латыши: 247]. Авторы сборника «Эсты и латыши, их история и быт» подчеркивали опасность и непродуктивность такой политики. В 1916 г. лидеры национального движения эстонцев и латышей еще не были уверены в близкой возможности создания самостоятельных национальных государств и выделения их из состава Российской империи. Но ситуация в стране развивалась быстро, и лидеры сумели оперативно на эти изменения отреагировать. Не прошло и года, как лозунги изменились.

Итак, Первая мировая война — канун образования независимых национальных государств Эстонии и Латвии — период, когда эстонское и латышское национальное строительство вступило в решающую фазу. И поэтому нам казалось особенно важным рассмотреть стратегию участников движения, а также избранную ими тактику для достижения своей цели, которая и была в конце концов достигнута. 12 апреля 1917 г. была образована отдельная административная единица по этно-территориальному принципу — Эстонская губерния, управляемая местным парламентом, избранным прямым голосованием жителей, и исполнительным органом — Земским советом (*Eestimaa Kubermangu Ajutine Maandukogu*). Совет этот и провозгласил независимость Эстонской Республики 24.02.1918 г., хотя еще на рубеже 1917–18 гг., по данным Т. Карьяярма, многие эстонские лидеры сомневались в возможности самостоятельного существования такого маленького государства, как Эстония [Karjahärm 2007: 198–199]. Ситуация в Латвии в 1917 г. была сложнее, т. к. она находилась под немецкой оккупацией, однако в начале декабря в г. Валке латвийские организации окончательно сформировали Латышский временный национальный совет (*Latviešu pagaidu nacionālā padome*). Независимость Латвийской Республики была провозглашена 18.11.1918 г.

Империя же не была в состоянии перестроиться. Имперский дискурс оказался сильнее инстинкта самосохранения.

Могла ли история повернуться по-другому? Если говорить не об абстрактных возможностях, а о конкретно-исторических обстоятельствах, то нет. Об этом свидетельствует и опыт Австро-Венгерской империи, гораздо более либеральной в национальном вопросе, и судьба белого движения в России (см.: [Кукушкина]). Парадоксальным образом, империя оказалась гораздо более благоприятным пространством для национального строительства, чем для сохранения собственного существования.

Рассмотренный нами сборник «Эсты и латыши, их история и быт» — это своего рода подготовительный этап к решающей борьбе за национальную независимость, объединение усилий двух общин, проявление столь нужной для успеха солидарности соседних народов.

Сейчас мы перейдем к другому проекту, созданному в центре и пытавшемуся перестроить империю на демократических основах и решить, наконец, «национальный» вопрос, удержав таким образом целостность государства. Инструментом в этой борьбе была избрана художественная литература национальных окраин и национальных меньшинств Российской империи.

«Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос»

Этот коллективный труд [Отечество] вышел в Петрограде в том же 1916 г., что и «Эсты и латыши...». По непонятным причинам он, так же как и первый, выпал из поля зрения исследователей, хотя содержит весьма ценный материал для характеристики эпохи, для изучения имперского и национального дискурсов, имперской идентичности и т. п. Оба издания предполагали продолжение, но в силу понятных исторических причин их не последовало.

Пока не совсем ясно, были ли эти сборники связаны между собой. Можно предполагать, что хотя бы отчасти, по крайней мере, И. А. Бодуэн де Куртене печатался в обоих, так что их участники могли быть осведомлены о планах друг друга. Во всяком случае, эпиграф к «Отечеству» заимствован из статьи

Бодуэна, опубликованной в сборнике «Эсты и латыши, их история и быт». Типологическая же, контекстуальная, а также прагматическая связи — безусловны, как очевидны и различия в избранной стратегии. Общим является стремление обоих авторских коллективов доказать ценность культур национальных меньшинств, бесперспективность и опасность политики русификации, необходимость широких демократических реформ, которые только и смогли бы вывести Российскую империю как многонациональное государство на новый уровень развития. Однако выбирают они разную дискурсивную стратегию:

— «Эсты и латыши...» эксплуатируют германофобию русского общества (немцы — враги России), в «Отечестве» немецкая тема не затрагивается, что знаменательно в контексте антинемецкой истерии периода Первой мировой войны (об общественно-политической атмосфере в России в те годы см.: [Фуллер; Колоницкий]).

— Оба сборника хотя и повлияют на российское общественное мнение, но «Эсты и латыши...» строят образ врага, а «Отечество» сосредоточено на формировании конструктивной положительной программы.

— Для латышей и эстонцев гораздо важнее добиться решения *своих* задач (культурной автономии, отмены привилегий остзейских немцев, земельной реформы и др.), поэтому для них вопрос об имперской идентичности является скорее тактическим. Авторы «Отечества» заняты решением *общих* задач, они заинтересованы в том, чтобы Российская империя, переродившись в свободное демократическое государство, сохранила свою целостность.

Сборник «Отечество», как явствует из дат под статьями, собирався во второй половине 1915 г. (цензурное разрешение — 11.03.1916). Нам, знающим последующий ход исторических событий, известно, что до конца Российской империи оставалось менее двух лет. Однако авторы этого не знали и были полны планов относительно ее переустройства. Они стремились подготовить тот момент, когда будет достигнута победа в «великой войне» и можно будет думать о будущем *новой России*. Это будущее, по их убеждению, должно было

быть достигнуто мирными средствами, путем демократических преобразований и сознательного переустройства и государства, и общества. Для них будущее России безусловно связывалось с сохранением империи, поэтому свою задачу авторы видели в том, чтобы сформировать у читателей *имперскую идентичность* (хотя слова «идентичность», конечно, не употребляли). Основа концепции издания — демонстрация преимущества империи как государства многонационального перед государством унитарным: разнообразие наций, языков и культур — залог самодостаточности страны.

Сборник был адресован не столько правительству, сколько обществу и был призван сформировать новую систему ценностных ориентаций. Преодоление узости мышления, ксенофобии, по мысли инициаторов сборника «Отечество», должно было осуществляться, с одной стороны, через анализ ситуации, с помощью рациональных аргументов, а с другой — через практическую демонстрацию культурного богатства населяющих империю народов. С этим связана и структура издания. Оно состоит из двух частей — в первой (около 100 стр.) помещены теоретические (программные) статьи Б. А. Гуревича, В. М. Бехтерева, И. А. Бодуэна де Куртене и Н. А. Гредескула. Вторая (почти пятисотстраничная) называется «Историко-литературный отдел» и представляет собой антологию финской, эстонской, латышской, литовской, украинской, еврейской, польской и грузинской литературы. Структура каждого из подразделов этого отдела идентична: вступительная статья о развитии данной литературы, а затем представительная выборка прозы, поэзии и даже драматургии в переводах на русский язык. Литература этих народов была мало известна русскому читателю, и антология была призвана убедить его в том, что кроме русской культуры в России существует еще много развитых и достойных уважения национальных культур. Авторы историко-литературных статей подхватывают и развивают идеи первого раздела, а порой формулируют отдельные положения даже удачнее «теоретиков».

Прежде чем перейти к подробной характеристике концепции издания, остановимся на его инициаторах-редакторах. Их

пятеро, трое одновременно являются и авторами статей (Бодуэн, Гуревич и Гредескул), двое — князь П. Д. Долгоруков и проф. В. Н. Сперанский — статей не написали (Долгоруков вообще имел прозвище “*Leader ohne Worte*”), но и появление их имен на титуле было знаковым. Можно сказать, что один титульный лист мог бы стать основой для романа — столь любопытны и характерны судьбы этих людей.

Бодуэн, Гредескул и Сперанский принадлежали к петербургской профессуре. Борис Абрамович Гуревич (1889–1964) был литератором и переводчиком, на его книгу стихов 1912 г. «*Вечно человеческое. Книга космической поэзии*» довольно едко отозвался Гумилев. Сын известного киевского раввина и юрист по образованию, Гуревич был борцом за права евреев. После революции эмигрировал, с 1937 г. жил в США, где и скончался. В 1957 г. его кандидатура, якобы, выдвигалась на получение Нобелевской премии мира.

Гораздо менее благополучно сложилась судьба другого юриста, одного из лидеров кадетской партии и товарища председателя Первой Государственной Думы, подписанта «выборгского воззвания», участника дискуссии вокруг «Вех» (см. его статью в сборнике «Интеллигенция в России», 1910) — Николая Андреевича Гредескула (род. в 1864 г.). После переворота он остался на родине, какое-то время работал в ленинградских вузах, затем был репрессирован, и год его смерти не установлен. Понятно, что с дворянским происхождением и такой политической биографией долго продержаться при советской власти можно было только в совершенно исключительных случаях.

Другой лидер кадетов, член Государственной Думы и депутат Учредительного Собрания — князь-рюрикович Павел Дмитриевич Долгоруков (1866–1927), хотя и эмигрировал (уехал из Крыма на последнем пароходе в конце 1920 г.), но в 1926 г. из Парижа нелегально пробрался в СССР, чтобы организовать подрывную деятельность против большевиков. Был опознан, арестован и расстрелян в 1927 г. Человек поразительно разносторонний, он был до революции основателем ихтиологической станции у себя в подмосковном имении,

в другом имении построил завод по выделке паркета, а в третьем — лесопильный завод, поставлявший в Москву дрова. Поддерживал знакомство с Л. Н. Толстым, был пайщиком Московского Художественного театра. Но главным делом для него была его общественная деятельность, также весьма разносторонняя — и организатор помощи голодающим, и активный деятель земского движения, но главное — один из создателей и лидеров конституционно-демократической партии (партии народной свободы), от которой и в эмиграции он требовал активной и практической деятельности по спасению России.

Еще один юрист, профессор кафедры философии права Петербургского университета Валентин Николаевич Сперанский (1877–1957) происходил из Вильно, был товарищем по виленской гимназии Ф. Э. Дзержинского и оставил о нем воспоминания. Он эмигрировал в 1924 г., до этого успел побывать в Екатеринбурге и собрать материалы об ипатьевской трагедии, издал потом на французском языке книгу «Дом специального назначения».

Среди авторов программных статей «Отечества» было два великих ученых-академика — филолог Иван Александрович (Ян Нецислав Игнаций) Бодуэн де Куртене (1845–1929), благополучно окончивший свой путь в независимой Польше, и невропатолог Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927), оставшийся в России и как будто бы успешно продолжавший карьеру в качестве директора основанного им в 1918 г. Института по изучению мозга. Но, как известно, в 1927 г. слишком «недипломатичная» медицинская консультация Сталину стоила ему жизни.

Состав авторов недвусмысленно свидетельствует о том, что «Отечество» выражало установки влиятельной конституционно-демократической партии, можно даже сказать — было кадетским изданием, рассчитанным на либеральную интеллигенцию, которая и составляла для них «общественное мнение». Тираж в 2500 экз. нельзя назвать впечатляющим для «пропагандистского» издания. Скорее, он сопоставим с тиражом литературных изданий того времени, например, поэтических сборников (для сравнения — второе издание «Камня»

Мандельштама было отпечатано в количестве 1000 экз.). Учитывая, что основной объем книги составляла антология литератур национальных меньшинств, такой тираж следует признать разумным.

Однако вернемся к программе сборника. Внутренний посыл всего текста — это протест против политики русификации и стремление показать, что она непродуктивна и опасна, в первую очередь, для самого государства.

С позиции правительства, политика русификации, имевшая, как хорошо известно, тяжкие последствия, была направлена как раз на укрепление империи³³. Это была близорукая попытка противостоять движению национального возрождения со стороны разнообразных национальных окраин, испуг перед возможностью развала государства. Поскольку вначале «опасность» исходила из Польши (восстание 1830–31 гг. «За нашу и вашу свободу!»), то любое национальное движение стало ассоциироваться для властей с революцией и сепаратизмом. В результате, например, в Остзейском крае, где на начальном этапе национального возрождения латыши и эстонцы видели в русском царе защитника от местных господ-немцев, а в русских — союзников, правительство продолжало поддерживать прибалтийских немцев, видя именно в них «лояльный» элемент и опору своего господства в крае. Понятно, что в последнем случае сказалось и чувство социальной солидарности: латышские и эстонские крестьяне были так же чужды и враждебны правительственной элите, как и русские. Эта ложная стратегия, в сочетании с политикой «обрусения» народной школы, отвратили местные народы и их национальных лидеров от центра и, в конечном итоге, привели к результатам, прямо противоположным ожидаемым. На опасность такой политики и пытались указать в своих статьях авторы «Отечества».

Другой импульс интересующего нас издания — это попытка заинтересовать русское общество тем комплексом проблем,

³³ Глубокий анализ русификаторских устремлений и связанных с ними политических действий российского правительства см.: [Миллер 2008: 53–77].

которыми оно не интересуется — национальными. Этими мотивами проникнуты все статьи, что придает книге единство (можно даже сказать — характер коллективной монографии).

Хотя все авторы являются «государственниками», но государство для них — это всего лишь инструмент, гарант, обеспечивающий жизнедеятельность как отдельных личностей, так и всего общества. Подлинным воплощением России является, с их точки зрения, не самодержавие, не бюрократический аппарат, а культура. Именно культура — это «палладиум» России, как пишет Б. Гуревич на первой странице статьи, открывавшей сборник. Скорее всего, он помнил выражение Карамзина из только что тогда опубликованной записки «О древней и новой России» (СПб., 1914): «Самодержавие есть палладиум России: целость его необходима для ее счастья» [Карамзин: 105], но Гуревич его перефразировал и вложил в него совсем иной смысл.

Вообще, понятийный аппарат издания — это интересный пример пересмотра всех концептов, связанных с национальным строительством, разрабатывавшихся в эпоху 1812 г.: отечество, патриотизм, народная гордость, мессианизм. И это не случайно и связано не только с широко отмечавшимся столетним юбилеем 12-го года. Как известно, война 1914 г. именовалась «второй Отечественной», поэтому на всех уровнях происходила актуализация идеологического контекста столетней давности.

Заглавие и сама статья Б. Гуревича «Россия — творимая нация» — имеет любопытную переключку с названием и даже с концепцией книги Б. Андерсона «Воображаемые сообщества». Идея Гуревича заключается в том, что Россия как *имперская нация* еще должна быть создана, и этот процесс уже начался с помощью культуры. Слово «русский» он чаще всего употребляет в значении «российский». Он полагает, что в России будет создана духовная культура, не уступающая «в ценности западным» культурам и собирающая «народы России вокруг русского народа в особый культурный микрокосм». Национальности России должны почувствовать себя «единой нацией» и с трибуны Думы сказать «свое слово об имперском

национальном самосознании» [Отечество: 8]. Эта новая самобытная (не заимствованная!) культура будет слиянием «в одно целое чаяния славянофильского мессианизма и мечты западника». Именно в этом смысле Гуревич произносит свою сакраментальную фразу: «Теперь или никогда должен быть создан идеал русской культуры, идеал, который должен стать палладиумом, общим всем народам России» [Там же: 7].

Такое сближение (даже синтез) культур, по мнению автора, должны стать результатом добровольного творческого сотрудничества. В свойственном ему патетическом стиле Гуревич описывает чаемый результат, подводя к привычной мифологии Святой Руси, но пытаясь и ее наполнить новым смыслом:

И овечье Византией армянское творчество древности, и грузинская поэзия, знающая розы персидской лирики, и пышность романтической Польши, и юность балтийских народов, и мудрая мысль помнящего античность и арабов еврея, и элегическая песня Украины — все это да вплетется в живой венок русской культуры, когда братская, единая для всех сынов и милая Россия подымет в Европе свой сияющий лик — лик подлинно Святой Руси [Там же: 8].

Не будем входить в детали религиозных рассуждений Гуревича, связанных со сциентизмом. Для нас важнее отрицание насильственной русификации как ложного пути созидания имперской нации и переоценка слова «инородческий», которое должно, по мысли Гуревича, стать почетным [Там же: 11]. Еще один важный аспект — размежевание «языка нации и языков национальностей», а также последующая судьба собственно русской культуры. Автор полагает, что русский язык должен «потесниться», но его уступки другим национальным языкам будут компенсированы его мировой ролью — тем, что «он вступит равноправным членом в семью языков Запада» [Там же].

В кратких статьях Бехтерева и Бодуэна продолжается мысль о бесперспективности и пагубности насильственной русификации, у первого — на польском, у второго — на еврейском примерах. Бехтерев четко формулирует принципы единства народов в многонациональных государствах:

Тяготение отдельных народов друг к другу достигается не чем иным, как взаимным уважением и взаимным признанием прав, свободой их духовного развития, общекультурными задачами и общими взаимно выгодными политико-экономическими интересами [Отечество: 14].

Россия грешила именно против этих принципов, и ученый далее показывает последствия подобной «политической близорукости». Поправление польской конституции 1815 г. привело к двум польским восстаниям, к переориентации славянских народов на Австрию (австрославизму), к ухудшению русско-французских отношений и, как результат, — к поддержке Россией Пруссии в франко-прусской войне, к появлению могущественной объединенной Германии и, в конечном итоге, к мировой войне. Болгария, когда-то спасенная Россией, теперь вступила с ней в войну, что свидетельствует о крахе российской политики на Балканах. Она велась таким образом, что болгарам «постоянно мерещилось» «превращение Болгарии в русскую губернию и судьба ее, подобная русской Польше» [Там же: 16]. С Польшей спохватились только во время войны, и Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич издал воззвание, но и оно вызвало недовольство у той части русского общества, которая считает политику подавления естественной. Бехтерев вспоминает «с чувством глубокого стыда» о том, как в Варшаве расклеивались объявления об автономии, которую даровал Польше российский император — «как раз в то время, когда неприятельские войска с участием польских легионов, под звуки польского гимна «Еще польска не сгинела» вступали с развернутыми знаменами в Варшаву» [Там же: 17]. И далее — еще один удар по русскому самолюбию: «поляки из рук немцев получили польский университет и польский политехникум; по-видимому, нечто подобное предстоит и в г. Вильно» [Там же]. Чтобы избежать подобных ошибок в будущем, России, как пишет Бехтерев, «необходимо пересмотреть наши внутренние национальные вопросы» и стать «не Россией Ксеркса, а Россией Христа», как писал В. Соловьев.

Статья Бодуэна де Куртенэ — это его доклад, прочитанный на съезде автономистов 1905 г. на тему «Возможно ли мирное сожительство разных народностей в России?» Предисловие к нему 1915 г. проникнуто горечью и скепсисом. Он корит себя за то, что потерял много времени, «в ущерб научным занятиям» «на никому не нужные словоизвержения и бумагомарания» [Отечество: 19], участвуя в разных национально-освободительных съездах и союзах, которые теперь именует кривляниями «сорвавшихся с цепи рабов». И хотя академик называет свой тогдашний доклад «скромным историческим памятником наивных заблуждений и несбыточных мечтаний» [Там же: 21], он все же публикует его по прошествии десяти лет.

Как всегда у Бодуэна, написанное им более ста лет назад, кажется написанным сегодня. «Межплеменную, междуисповедную и междуклассовую» ненависть и вражду он называет болезнью, которую необходимо лечить реформами «общегосударственного и общественного устройства» и «коренными реформами в области обучения и воспитания юношества» [Там же: 22]. Первый пункт его программы: отделение церкви от государства и школы от церкви. Другой — отказ от шовинизма. Он считает, что нельзя делить «граждан одного и того же края на пришельцев и на туземцев или автохтонов, на гостей и на хозяев». В качестве иллюстрации он приводит литовский пример: «Даже в Гродно, где литовцы являются редкостью, все-таки все тамошние жители, и белорусы и поляки и евреи, по мнению литовских шовинистов, только терпимые гости литовского народа» [Там же: 22–23]. Бодуэн призывает отказаться от исторических претензий, принять современную ситуацию как исходную точку решения проблем:

Мы должны отбросить <...> лозунг: «Россия для русских», «Польша для поляков», «Литва для литовцев» и т. д. Россия для всех тех, кто в ней живет. Польша для всех тех, кто в ней живет. Литва для всех тех, кто в ней живет [Там же: 23].

Разумеется, автор считает необходимым отказаться от «каких бы то ни было национальных и вероисповедных стеснений»:

человек подлежит ответственности за свои поступки, а не за происхождение.

Одним из принципиальнейших пунктов программы Бодуэна является признание полного равноправия всех языков: «Нет господствующего русского народа; нет подчиненных ему неполноправных народов», но русскому языку отводится «роль общего языка, роль объединителя отдельных областей всего государства»³⁴ [Отечество: 23].

В национальном вопросе Бодуэн стоит на позиции полной свободы индивидуального выбора. Национальность для него — это культурная идентичность. В таком отходе от узкого этницизма в понимании национальной идентичности Бодуэн де Куртене далеко опередил свое время и предвосхитил современный подход к проблеме³⁵. С его точки зрения, можно принадлежать к двум и более национальностям, а можно — ни к одной³⁶.

Уточняя свою позицию по проблеме языка, ученый высказывает мысль, которая многим в условиях русификации могла показаться чуждой: «Поляк, литовец, еврей, татарин, армянин, грузин — может любить русский язык в такой же мере, как и свой родной» [Там же: 24]. Но далее делается различие между русским языком «целой плеяды усмирителей и “водворителей порядка”» [Там же: 25] — языком Муравьева, Д. А. Толстого и Победоносцева, и «языком всех тех русских, которые провозглашали научные истины, идеалы прекрасного, начала спра-

³⁴ То, что Гуревич назвал «языком нации», в отличие от языков национальностей (см. выше).

³⁵ Ярче всего этот подход выражен в: [Андерсон].

³⁶ Он приводит пример немца из Ганновера, доктора Зауэрвейна, который «был национальным поэтом, политическим агитатором и патриотом в прусской Литве, в Лужицком крае и т. д. Вместе с языком он вселял в себя тоже народную душу других племен и народов. Он воодушевлялся их национальными идеалами» [Отечество: 24]. Обыденный пример для Бодуэна — это одновременная принадлежность к двум — еврейскому и польскому, к польскому и литовскому, немецкому и эстонскому и т. д. — «общественным целым».

ведливости, подвергаясь за это всяческим гонениям и принося в жертву даже свои жизни» [Отечество: 25]. Автор называет здесь декабристов, Чаадаева, Герцена, Тургенева, В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого³⁷. Более того, он полагает, что:

Ненависть по отношению к какому-нибудь языку является пережитком дикого состояния, является перенесением своеобразного религиозного фанатизма в область нововекового общежития [Там же].

Бодуэн предлагает отказаться от всего того, что может подпитывать национальную рознь. В первую очередь, с точки зрения Бодуэна, это религиозная рознь, поэтому он призывает отказаться от прозелитизма, от некритического преподавания Закона Божия в школах. Однако и программа других школьных предметов должна быть пересмотрена. Он считает, что и преподавание «так называемой» отечественной истории в настоящем виде «является лучшим средством прививки человеконенавистничества вообще и народоненавистничества в частности» [Там же: 27]. Преподавание литературы тоже должно быть реформировано:

Из школьных хрестоматий и сборников должны быть устранены отрывки, воспевающие военные подвиги, набеги и захваты, а зато должно быть отведено место произведениям, основанным на общечеловеческой солидарности [Там же].

Важно также, считает ученый, знакомить в школе с языками и литературами других местных народов. Как в Финляндии финнам преподают шведский язык, а шведам — финский, так полякам надо хотя бы факультативно преподавать еврейский, а русским в Казани — татарский и т. д. Подчеркнем афористически-точную формулировку Бодуэна: «Взаимное ознакомление вселяет тоже взаимное уважение и способствует упрочению мирного сожительства» [Там же: 28].

Особого внимания для автора заслуживает еврейский вопрос. Он пишет, что «евреи всегда идут в первых рядах подне-

³⁷ Подобное разделение Бодуэн применяет и по отношению к немецкому языку, см.: [Отечество: 25].

вольных мучеников», и этот *privilegium odiosum* заставляет относиться к их судьбе особенно пристально, тем более что даже «передовая интеллигенция» считает еврейский язык (т. е. идиш) всего лишь жаргоном немецкого языка. Как лингвист Бодуэн поясняет, что еврейский язык вырос «на южно-немецкой почве», но развился и впитал в себя много ненемецких элементов, так что знающему немецкий легче понимать голландский, чем еврейский³⁸.

Бодуэн де Куртене мыслит радикально, поэтому в статье много цензурных изъятий — целые строки заменены точками. Он полагает, что России следует отказаться от юлианского календаря, «чтобы уподобиться в этом отношении громадному большинству цивилизованных стран» [Отечество: 26], и даже перенести все религиозные праздники на один день. Поскольку христиан большинство, то мусульманскую пятницу и еврейскую субботу надо перенести на воскресенье. Конечно, он тут же делает оговорку, что не настаивает на таком решении. На чем он настаивает, это на отказе от обоготворения «Молоха государственности»: «Государственная мегаломания есть величайшее несчастье, ведущее прежде всего к гибели самого государства» [Там же: 28]. Школьникам следует преподавать основы политэкономии и правоведения, а также всячески противостоять проникновению в их среду «шовинистических песен <...> глупых анекдотов, бранных кличек и прозвищ, преподносимых одними национальностями другим» [Там же].

Статья Бодуэна — это страстный призыв к отказу от межнациональной и межконфессиональной борьбы, к созданию тесного общения, того, «что по-немецки называется *Fühlung*, между народностями России» [Отечество: 29], к общечеловеческой солидарности. Несмотря на весь свой скепсис, ученый

³⁸ Бодуэну было, конечно, прекрасно известно, что дискуссия насчет идиша имела давнюю историю. Уже с середины 1860-х гг. родство идиша с немецким вызывало беспокойство властей, опасавшихся «германизации» российского еврейства (особенно в Западном крае) и стремившихся перевести обучение евреев на русский язык. См. об этом: [Западные окраины: 321–322].

все же надеется, что хотя бы в будущем это будет возможно, но только на основе свободы и уважения к правам человека.

Последняя и самая обширная из программных статей в сборнике «Отечество» — «Россия и ее народы» — принадлежит Н. А. Гредескулу. Как специалист по гражданскому праву он рассматривает Россию как многонациональное государство именно с этой точки зрения. Однако для него принципиально различие между государством как аппаратом принуждения и подавления и *отечеством*. Это такое государство, такая страна, которые обеспечивают права и свободы личности, развитие культуры. Именно в этой связи Гредескул ставит старый вопрос о любви к отечеству и народной гордости:

И то чувство, которое соединяет граждан с отечеством, не есть уже ни лукавый страх, ни черствый и сухой долг, а это есть горячая, преданная, всем готовая жертвовать любовь <...> Это чувство любви к отечеству мы именуем патриотизмом [Там же: 43–44].

И далее, анализируя пути возникновения империй как многонациональных государств, автор настаивает на том, что *великим* может стать лишь то государство, которое решит национальный вопрос. Только если государство станет *отечеством* для всех живущих в нем народов, национальная проблема будет решена [Там же: 59].

Напоминая, что нация — позднее образование, Гредескул (как потом Б. Андерсон) говорит о трудностях в определении этого феномена. Сам он следует определению нации как коллективной личности и делает вывод об исторической неизбежности дарования нациям всех тех прав и свобод, которые уже считаются естественными в отношении отдельных человеческих индивидов. Однако, по его мнению, для достижения этой цели народам не обязательно идти путем сепаратизма.

Теперь, с высоты последующего опыта, нам кажется наивным утверждение Гредескула, что лидеры национальных движений в Российской империи и не стремятся к сепаратизму. Однако в начале 1916 г. такое требование еще не выдвигалось (или редко выдвигалось) публично, и сами национальные лидеры, как уже указывалось нами выше, относили его на бо-

лее отдаленную перспективу (другое дело, что ситуация стала развиваться очень быстро и примерно за год изменилась кардинально).

Современная Россия, с точки зрения Гредескула, по-настоящему не решила ни правовой, ни культурной, ни национальной проблемы [Отечество: 67]. Пути решения последней он, как и другие авторы сборника «Отечества», видит в отказе от политики принудительной денационализации и ассимиляции нерусских народностей, а также в перестройке общественного сознания. Гредескул полагает, что носителем национальной идеи является интеллигенция [Там же: 49], поэтому и надо воздействовать, в первую очередь, на нее. Автор приводит знаковый для него пример того, как иногда общественные деятели неожиданно становятся на репрессивную точку зрения и солидаризируются с правительством. Так, украинцам и белорусам не только официальные круги отказывают в праве на самоопределение, но и П. Б. Струве, постоянно толкующий об «украинской» опасности [Там же: 78]. «Неужели, — спрашивает автор, — появление Шевченка наносит какой-то ущерб Пушкину или Гоголю? [Там же: 79]. И все же Гредескул исполнен умеренного оптимизма и надежд на будущее.

В целом сборник «Отечество», хотя и очень критичен по отношению к российской национальной политике, все же сосредоточен на положительной программе — на указании конкретных и вполне реальных, с их точки зрения, путей выхода из кризиса. Инициаторы и авторы сборника полагают, что у России еще имеется потенциал для внутреннего преобразования и хотят всеми силами этому преобразению содействовать.

Кадетский проект можно было бы определить теми же словами, которыми Г. П. Федотов характеризовал мировоззрение Пушкина — Империя и Свобода. Однако тот же Федотов проницательно замечал:

...как только Пушкин закрыл глаза, разрыв Империи и свободы в русском сознании совершился бесповоротно. В течение целого столетия люди, которые строили или поддерживали Империю, гнали свободу, а люди, боровшиеся за свободу, разрушали Империю [Федотов: 142].

Накануне распада Российской империи кадетские теоретики решили этот разрыв преодолеть. Они задумали создать новую «правильную», свободную империю и объединить «всяк сущий в ней язык» на основе нового «имперского национального самосознания». На службу своему проекту они поставили литературоцентризм русской образованной публики. Демонстрируя зрелость культур национальных меньшинств, привлекая эстетический потенциал их художественной литературы, они рассчитывали вызвать интерес к национальным проблемам и сочувствие к своей программе.

Именно поэтому к первой — теоретической — части примыкает вторая, как бы «иллюстративная», своего рода практическое доказательство верности исходных принципов. Это 500-страничная антология произведений из разных национальных литератур (литератур меньшинств). В обращении редакторов говорилось о необходимости «ознакомить широкие круги русского общества с теми бесчисленными культурными ценностями, которые накоплены вековой работой национальностей России».

В антологии, как уже упоминалось, представлены в русских переводах образцы финской, эстонской, латышской, литовской, польской, малорусской <sic!> или украинской (знаково употреблены оба наименования!), еврейской (на иврите и на идише), польской и грузинской литератур. Каждый раздел снабжен квалифицированной вступительной статьей. Планировался и второй том, где должны были появиться образцы белорусской, мусульманской (так!), караимской, армянской, новейшей грузинской и дополнительные обзоры и переводы польской, еврейской, «малорусской», литовской и др. литератур. Издатели надеялись выпустить и английское издание сборника, но этим планам уже не суждено было осуществиться.

Таким образом, по мысли инициаторов «Отечества», литература и культура могли и должны были стать противовесом политике русификации, разрушающей многонациональное государство и ставящей русский язык и культуру в ложное положение. Как писал Бодуэн де Куртене, в новом отечестве «нет

господствующего русского народа; нет подчиненных ему неполноправных народов» [Отечество: 23].

Итак, задача антологии, как будто бы, прикладная: наглядно проиллюстрировать культурные преимущества многонациональной страны. Однако — что знаменательно — решение задачи было связано с признанием *эстетической ценности* литератур других российских народов. Таким образом, литература выступает в антологии как искусство, а не как публицистика.

Есть и еще одна сторона, или третья составляющая проекта. Именно антология была призвана продемонстрировать, что в России существует не только великая русская литература, но и значительные, развитые, богатые *другие* литературы, без знания которых так же невозможно составить представление о культуре своей страны, как и без русской. Закладывались основы новой культурной парадигмы, новой системы эстетических ценностей; оппозиция «свое» — «чужое» получала (точнее — должна была получить) новое наполнение.

Однако у этого проекта, исходившего от конституционно-демократической партии, имелся «конкурент». В это же самое время, в том же городе Петрограде, развивался параллельный проект издания сочинений национальных меньшинств России. Он был задуман и воплощен М. Горьким, основавшим весной 1915 г. на собственные средства издательство «Парус». Программа его была очень широкой (Горький давно лелеял мечту об организации универсального издательства). В качестве девиза был выбран стих Некрасова «Сейте разумное, доброе, вечное», и под этим девизом осуществлялось печатание и философских, и естественнонаучных, и политических сочинений, и художественной литературы, а также собственного журнала «Летопись».

Среди многих начинаний этого замечательного издательства был и проект издания антологий национальных литератур. К их составлению и редактированию был привлечен В. Я. Брюсов, выступавший и в роли переводчика (сначала эта роль была предложена И. А. Бунину, но он отказался — см.: [Голубева: 166]). Для Горького издание подобной серии было давним замыслом. Он задумал ее еще в 1900-е гг., в издательстве

«Знание», где предполагал напечатать сборники еврейской, грузинской, татарской, польской, латышской, армянской литературы [Пиксанов: 110–111]. Тогда этот замысел не осуществился, да и «Парус» успел выпустить только три сборника: армянский [Армянский] (цензурное разрешение 4.03.1916), латышский [Латышский] (цензурное разрешение 21.11.1916), и финский [Финский] (1917). Планировалось охватить очень многие литературы, но этим планам (как и продолжению «Отечества») помешала революция.

Любопытно, что в горьковских документах ничего не упоминалось об эстонском сборнике, однако С. Г. Исакову удалось установить, что такой сборник все же задумывался. Его составление было поручено Густаву Суйтсу³⁹. Б. Линде, ведший с Горьким переговоры, даже утверждал, что сборник был готов, хотя никаких его следов не сохранилось. Однако все же в газете «Постимеэс» 14.05.1916 г. появилось сообщение о планируемом «эстонском альманахе» на русском языке, к составлению которого были привлечены Г. Суйтс, Ф. Туглас и Б. Линде [Исаков 1968: 14]. Горький заказывал и статью об эстонской литературе «с общественным уклоном», написание которой Суйтс собирался поручить П. Руубелю [Там же]. Были составлены и доставлены Брюсову для перевода подстрочки эстонской лирики (их тексты также не сохранились). И все же С. Г. Исаков смог реконструировать возможный состав эстонского сборника по аналогии с другой, эстоноязычной, антологией Суйтса “Eesti Lugemisraamat”, вышедшей в Хельсинки в 1916–1919 гг. [Там же: 16–18]⁴⁰.

³⁹ Характерно, что посредником в переговорах с Г. Суйтсом, жившим тогда в Хельсинки, являлся лектор русского языка и библиотекарь Гельсингфорсского университета, член РСДРП В. М. Смирнов, который организовывал транспортировку нелегальной литературы через Финляндию в Россию [Исаков 1968: 10–11].

⁴⁰ В статье С. Г. Исакова восстанавливается история знакомства Горького с Эстонией и эстонской культурой, а также финские контакты деятелей эстонской культуры в 1900–1910-е гг.

Предприятие Горького было гораздо более широкомасштабным, чем у деятелей «Отечества». Каждый из его сборников по объему приближался к их антологии, включавшей восемь литератур. «Парус» привлек к переводам лучшие силы: В. Брюсов, А. Блок, В. Иванов, С. Шервинский, В. Ходасевич, Ю. Верховский, Л. Рейснер и др. Деятели «Отечества», насколько можно судить, новых переводов для антологии не заказывали, перепечатавали то, что имелось в наличии. Для отбора текстов при горьковском «Парусе» составлялись так называемые национальные комитеты [Голубева: 166], т. е. отбор осуществлялся носителями культуры. Однако состав этих комитетов, как и выбор авторов вступительных статей, был довольно специфическим.

Постараемся более детально сопоставить два проекта — «Отечества» и «Паруса». Между ними было много общего: оба пытались противостоять ксенофобии, хотели привлечь внимание к культуре, показать эстетическую ценность литератур российских национальных меньшинств и дать представление об их развитии от истоков до современности. Тем не менее, различия были гораздо более фундаментальными, и касались они идеологических установок.

Кадеты были сторонниками войны до победного конца и надеялись на солидарность всех народов России в ее продолжении. Они исходили из презумпции сохранения империи, хотя и на новой, демократической и свободной основе. Сепаратизм они считали непродуктивным и стремились доказать, что путь взаимного обогащения будет более выгодным для национальных культур, чем курс на отделение от общего целого. Своих сотрудников для антологии — составителей разделов и авторов историко-литературных статей — издатели «Отечества» набирали в академических кругах. Это были университетские преподаватели или ученые — лингвисты, литературоведы, этнографы, фольклористы: акад. В. Н. Перетц, Эдуард Вольтер, Яан Йыгеве, Карл Тиандер, Иван Кипшидзе, Иосеф Клаузнер, Исидор Эльяшев, Николай Державин. Конечно, они были прекрасными знатоками своего предмета, но не всегда обладали «острым пером», которое необходимо для

популярных и пропагандистских изданий. Хотя в целом все они придерживались общих установок «Отечества», однако жесткого идеологического контроля внутри сборника не существовало, и авторы были достаточно автономны в своих суждениях. Например, Карл Тиандер в статье о финской литературе дает ясно понять, что ее будущее зависит от европейского (а не от русского) контекста, от того, насколько удастся сохранить «шведский элемент», обеспечивающий Финляндии положение «старинного северного моста между Востоком и Западом» [Отечество: 26]. Цензура недаром вымарала финал его статьи. В начале Тиандер с сожалением говорит о родичах финнов — мордве, черемисах, — которые остались внутри России, вдали от европейской культуры, в первобытной дикости, и это вполне прозрачно указывает на отношение автора к российскому контексту.

Вступительные статьи в горьковских сборниках гораздо более радикальны. Их авторами, как и членами так называемых национальных комитетов были, в основном, марксисты или околomarксистские деятели, проводившие *антиимперские* идеи. Само издательство «Парус» имело репутацию крайне левого и оппозиционного, в основном, из-за последовательного антивоенного и антимилиитаристского курса. Горький был решительно настроен против войны, поэтому в большевистских кругах он воспринимался как «свой», а его издательство — как большевистское. Большевики и другие радикалы часто подвергали «Парус» и журнал «Летопись» критике за «отступления» от «единственно верного» курса, однако как раз «ошибки» («просветительство», увлеченность культурой) обеспечивали Горькому широкие литературные контакты, а его издательству — успех.

Все же в «национальном проекте» «Паруса» идеология давала о себе знать весьма ощутимо. В результате образовался зазор между группой переводчиков (которых приглашал, в основном, Брюсов) и теми, кто формировал список текстов для переводов и идеологию раздела. Например, как показала О. Д. Голубева, латышский национальный комитет вообще не включил в антологию стихов модернистов. Брюсов выступил

со встречным предложением перевести произведения литераторов «нового искусства» — Эглитса, Фаляя. С кандидатурой В. Эглитса комитет так и не согласился (выбрав Я. Акуратера), Фаляя принял, зато добавил двух рабочих поэтов. Брюсов настаивал на том, что «у латышей-поэтов есть произведения более сильные, более яркие, более ценные, чем те, которые переведены или переводятся»⁴¹. Он выбирал тексты, исходя не из общественно-политической их значимости, а из художественной ценности. Получился «конфуз» со стихами Райниса: национальный комитет хотел представить его как революционера, а Брюсов, который его переводил, отобрал лирические стихотворения [Голубева: 168]. В результате переговоров вместо изначально предложенных комитетом восьми поэтов в «Сборнике латышской поэзии» оказалось представлено 16 (от «младолатышей» до современности).

Надо отдать должное вступительной статье социал-демократа Яниса Янсонса-Брауна «Латышское общественно-культурное развитие и латышская литература». Она, несмотря на всю тенденциозность и «марксистскость», написана ярко и концептуально. Думается, не случайно А. Упит в 1930 г. вспомнил о ее положительной роли в популяризации латышской культуры [Там же: 170]. Статья Янсонса давала читателю большой (но разумно дозированный) фактический материал о развитии латышской культуры от фольклора до современности. Автор не идеализировал ее достижений. «Правда, — писал он, — латышская культура еще молода и бедна, литература не может сравняться с литературой родины Ибсена», и все же как «латышский край уже не представляет собой глухого, снегом занесенного провинциального угла» [Латышский: 31], так и литература «переросла рамки этнографического рассказа» [Там же: 1].

Э. А. Вольтер, писавший о латышской литературе в антологии «Отечества», был поставлен в совсем иные условия — видимо, он был очень ограничен в объеме (его очерк в четыре раза меньше, чем у Янсонса), поэтому он отослал читателей

⁴¹ Письмо Брюсова в издательство цит. по: [Голубева: 168].

к своей статье на ту же тему в энциклопедии Брокгауза-Ефрона и обещал продолжение во втором томе «Отечества». На малом пространстве текста Вольтер пытается упомянуть о многом, но связного запоминающегося рассказа у него не получилось. Тексты также представлены довольно однобоко: два рассказа Яна Порука, два его стихотворения, 10 стихотворений Райниса (в том числе, в переводах В. Эглитса и Э. Вирзы) и несколько народных «четверостиший» в переводе того же Эглитса.

Эстонская литература представлена в антологии «Отечества» гораздо более ярко. Составитель раздела и автор вступительной статьи Яан Йыгеве (Jaан Jõgeve, 1860–1924), или, как называли его по-русски, Иван Егеве — лектор эстонского языка (1909–1918) Юрьевского университета, один из основателей эстонского Тартуского университета и первый его профессор эстонского языка⁴². Как и многие православные эстонцы, он получил образование в Рижском духовном училище и семинарии, потом окончил Тартуский университет как славист. В 1907 г. стал одним из основателей «Общества эстонской литературы», а в 1906 — инициатором и первым издателем журнала «Эстонская литература». Он, как и Вольтер, являлся автором соответствующей энциклопедической статьи в словаре Брокгауза-Ефрона, но со своей задачей в «Отечестве» справился, на наш взгляд, гораздо лучше.

Статья Йыгеве называется «Краткий очерк истории эстонской литературы», и название это концептуально⁴³. Она подразделяется на параграфы, имеющие выделенные шрифтом названия: «эстонский народ», «время владычества немецкого ордена в Лифляндии», «народная словесность» и т. д., вплоть

⁴² П. Аристе в обзорной статье о преподавании эстонского языка и о развитии финно-угроведения в Тартуском университете дает в целом положительную, хотя и сдержанную оценку его деятельности на посту лектора, а затем профессора эстонского языка (см.: [Ariste: 97–98]).

⁴³ В отличие от несколько аморфного заглавия статьи Э. Вольтера — «Латышская литература».

до последнего — «XX-е столетие». Структурированность текста, безусловно, облегчает восприятие и диктует определенный ритм чтения. Кроме того, статья написана живо, с личным одушевлением, но без полемических выпадов, свойственных статье Я. Янсона, о которой шла речь выше.

Концепция Йыгевера во многом близка к той, что была выражена в эстонской части сборника «Эсты и латыши, их история и быт»: весь путь эстонского народа изложен как путь к успеху, к европейской цивилизации, через противостояние немецкому господству. Правда, это не мешает Йыгевеу отмечать заслуги немецких пасторов в развитии эстонского языка и письменности.

Для нашей темы ценно то, что Йыгевер четко описывает те способы, которыми создавалась неомифология и новый национальный эстонский миф. Назвав Ф. Р. Фельмана «отцом новой эстонской литературы», он пишет:

Вполне добросовестно отыскивая в эстонских народных верованиях то, что он хотел в них находить, но чего на самом деле не было, дополняя это заимствованиями из финских источников, Фельман создал стройную, но не выдерживающую ныне никакой критики эстонскую космогонию и эстонский Олимп, представив все это в очень живых образах и оказал этим громадное влияние на всю последующую эстонскую литературу. Наиболее популярный из этих созданий есть бог поэзии и музыки Ванемуйне, общий любимец эстонцев, образованных и еле грамотных, на тысячи ладов воспетый, и как-то с трудом верится, что из-за этого симпатичного образа выглядывает не тысячелетняя древность, а богатая фантазия Фельмана [Отечество: 82–83].

Как показывает Йыгевер на примере Фельмана и Крейцвальда, именно личное творческое начало, конкретный автор стоят за национальным мифом и тем самым формируют идею нации, национальное самосознание.

Подборка литературных текстов в эстонском разделе ориентирована на современную литературу: рассказы А. Х. Таммсааре («Значительный день»), Э. Вильде («Аттестация старосты Карла»), Ю. Лийва («Обыденная история»), отрывок из драмы А. Кицберга «В вихре», лирические стихотворения

Л. Койдула, А. Хаава, Г. Суйтса, К. Сеэта и Ю. Лийва⁴⁴. Она призвана продемонстрировать художественную полноценность, жанровое и стилистическое разнообразие молодой национальной литературы. Вместе с тем, подборка, по мысли составителя, должна раскрыть эстонский характер (стойкость, твердость перед жизненными невзгодами, чувство собственного достоинства, способность к глубоким любовным переживаниям), а также вскрыть социальные проблемы эстонского общества (отношение с господами-немцами, расслоение внутри самого крестьянства).

Однако литературе, по мысли Йыгевера, свойственна, говоря современным языком, не только консолидирующая функция в национальном строительстве, но и репрезентирующая. Литература становится проводником нации в мир большой европейской и мировой культуры. Недаром о «Калевипоэге» говорится: «единственное произведение эстонской литературы, перешедшее в мировую литературу» [Отечество: 83]⁴⁵.

П. Олеск в статье, посвященной 150-летию со дня рождения Я. Йыгевера, назвал его национальным деятелем с чувством миссии [Olesk] и напомнил о его резком противостоянии социал-демократическим идеям. Йыгевер, действительно, служил национальной идее, но во всяком случае на момент написания статьи в августе 1915 г. был вполне солидарен с либеральной кадетской идеей преобразования империи. Свою статью он завершает рассуждением о будущем. Автор выражает уверенность, что когда «русский народ <...> свои права себе отвоюет», тогда эстонцы, «не выпрашивая подаяний из милости», будут «в праве рассчитывать на получение того и в той мере, чего и в какой мере они заслужили, соответственно вкладу, внесенному им в общую сокровищницу всех народов

⁴⁴ Подбор лирики отчасти совпадает с изданием [Поэты], однако переводы публикуются уже более совершенные.

⁴⁵ Мысль о том, что именно развитие культуры обеспечит будущее нации, является продолжением теоретического раздела сборника «Отечества» и проходит через многие литературные статьи — Тиандера о финской, Вольтера о латышской и др.

единой Российской Империи» [Отечество: 89]. То, что вскоре, когда ситуация резко изменилась, Я. Йыгеввер, как и другие деятели эстонского национального движения, стали действовать по иному сценарию, вряд ли можно поставить им в вину. Именно негибкость и неумение идти навстречу меняющимся обстоятельствам привели русских либералов к поражению.

Имперский национальный проект потерпел неудачу. И дело не только в военных обстоятельствах, в вечной косности и самоубийственности российской правительственной политики, даже не в том, что «поздно спохватились» — протесты против русификации, как и издания разного рода сборников и антологий национальных литератур с 1880-х гг. имели место постоянно. Национальная идея обладает огромной консолидирующей силой, когда надо собрать воедино один этнос и создать из него нацию. Но в многонациональном государстве, как показывает история не только Российской империи, рано или поздно рождается много национальных идей.

Проект кадетов, проект «Отечества», был интересен и, в отрыве от практики — даже убедителен, но совершенно утопичен. Они явно шли против течения, пытаясь взывать к разуму и к «чувствам добрым» в условиях захлестнувших страну экономического и морального хаоса, иррациональных импульсов и действий, вызванных ксенофобией и шпиономанией. История показала, что имперский потенциал был исчерпан, а национальное и имперское строительство — это *contradictio in adjecto*.

Российская империя распалась, чтобы примерно через полтора десятилетия преобразоваться в новую, но не свободную, а тоталитарную «империю». Это единое союзное государство, в теории обещавшее право наций на самоопределение и пр. блага, на практике вновь прибегло к подавлению национальных меньшинств⁴⁶, к насильственной русификации, к физиче-

⁴⁶ Теперь, вместо инородцев, презрительно именовавшихся «нацменами».

скому уничтожению национальной интеллигенции и даже к депортации целых народов⁴⁷.

К сожалению, в последующей судьбе народов России сбылись как раз худшие опасения авторов сборника «Отечество» — нерешенность национальных проблем оказалась фатальной для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2002.
- Андреева: *Андреева Н. С.* «Остзейский вопрос» и Первая мировая война // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.
- Армянский: Сборник армянской литературы / Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., 1916.
- Ауст: *Ауст М.* Россия и Великобритания: внешняя политика и образы империи от Крымской войны до Первой мировой войны // *Imperium inter pages: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 244–265.
- Брюггеманн 2002: *Брюггеманн К.* От сословного общества к национальной независимости (1820–1920) // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002.
- Брюггеманн 2006: *Брюггеманн К.* Эстонцы в русских этнографических описаниях конца XIX века // *Acta et commentationes collegii Narvoensis VI. Narva*, 2006.
- Виграб: *Виграб Г. И.* Прибалтийские немцы. Их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. Юрьев, 1916.
- Вишленкова: *Вишленкова Е.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.
- Голубева: *Голубева О. Д.* Книгоиздательство «Парус» (1915–1918) // Книга. Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 12.

⁴⁷ К сожалению, и тут имелись соответствующие образцы (хотя и осуществлявшиеся в гораздо меньших масштабах) из времен Первой мировой войны — превентивные массовые депортации евреев из прифронтовой полосы. См. об этом: [Западные окраины: 334].

- Вульпиус: *Вульпиус Р.* Вестернизация России и формирование Российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 14–41.
- Живописная: Живописная Россия — отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. В 19-ти кн. СПб., 1881–1901.
- Западные окраины: Западные окраины Российской империи. М., 2006.
- Исаков 1961: *Исаков С. Г.* Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1961. Вып. 107.
- Исаков 1968: *Исаков С. Г.* О попытке М. Горького и В. Брюсова издать в 1916–1917 гг. сборник эстонской литературы // Труды по русской и славянской филологии. XIII: Горьковский сборник. К столетию со дня рождения (1868–1968). Тарту, 1968. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 217).
- Карамзин: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
- Карьяхярм 2002: *Карьяхярм Т.* Попытки реформ местного строя в Прибалтике в 1914–1916 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.
- Киверик: *Киверик И.* Стереотипы и представления остзейских немцев о русских и России в период государственных реформ: от Александра II до Первой мировой войны // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narvoensis*, II. Narva, 2007. (Ethnic Images and Stereotypes — Where is the Border? Russian-Baltic Cross-Cultural Relations).
- Колоницкий: *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой Мировой войны. М., 2010.
- Кукушкина: *Кукушкина И. А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости прибалтийских государств (1918–1920 гг.) // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 159–185.
- Латышский: Сборник латышской литературы / Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., 1916.
- Лескинен: *Лескинен М. В.* Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Новгород, 2004.
- Миллер 2008: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.

- Миллер 2010: *Миллер А.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия *нация* в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 42–66.
- Михайлова: *Михайлова Ю. Л.* Крестьянский вопрос в Прибалтийском крае на страницах российской прессы и публицистики в 40-е – 70-е годы XIX века / Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д. ист. н. М., 2008.
- Московское: Московское эстонское общество. Устав Московского эстонского общества. М., 1909.
- Отечество: Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ, проф. Н. А. Гредескула, Б. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Н. Сперанского. СПб., 1916. Т. 1.
- Пиксанов: *Пиксанов Н. К.* Горький и национальные литературы. М., 1946.
- Поэты: Поэты Финляндии и Эстляндии / Под ред. Н. Новича [Бахтин Н. И]. СПб., 1898. 160 с. Серия: Маленькая антология. № 13.
- Сборник финляндской литературы / Под ред. В. Брюсова, М. Горького. Пг., 1917. 490 с.
- Таннберг: *Таннберг Т.-А.* Офицеры-эстонцы в Российской армии: полковник Яак Розенбаум (1871–1925) // *Россия и Балтия*. Вып. 4: Человек в истории. М., 2006.
- Устав: Устав Московского эстонского благотворительного общества. М., 1900.
- Федотов: *Федотов Г. П.* Певец империи и свободы // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные труды по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 141–162.
- Фуллер: *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- Эсты: Эсты и Латыши, их история и быт: Сб. статей под ред. проф. М. А. Рейснера. М., 1916.
- Ariste: *Ariste, P.* Eesti keele ja soome-ugri keelte õpetamisest ja uurimisest Tartu ülikoolis (1802–1952) // *Tartu Riikliku Ülikooli toimetised*. Tallinn, 1954. Vihik 35 (Ajaloo-Keeleteaduskonna töid).
- Brüggemann: *Brüggemann Karsten.* An Enemy's "Outpost" or "Our West"? Some Remarks about the Discourse of Russian *Pribaltika* in the Russian Empire and the Soviet Union // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narvoensis*, II. Narva, 2007. P. 81–98.
- Eesti: *Eesti tutvustamine* // *Postimees*. 1915. 17. dets. Nr 291. Lk 2.

- Eliaser 1911: *Eliaser, R.* Baltimaa mõisnikkude maapäevad (Landtag'id) // Aasta — 1912. Tallinn, 1911. Lk 1–32.
- Eliaser 1914: *Eliaser, R.* Baltimaa omavalitsuse korralduse katsesest XIX. aastaja esimesel poolel // Vaba sõna. 1914. Nr 7/8. Lk 229–233.
- Eliaser-50: 50 a. sünnipäeva ja 25 a. ametijuuubelit // Postimees. 1935. 27. mai. Nr 143. Lk 7.
- Kaelas: *Kaelas, A.* Eesti tutvustamise asjus // Postimees. 1915. 29. dets. Nr 299. Lk 3.
- Karjahärm 1998: *Karjahärm, T.* Ida ja Lääne vahel: Eesti-Vene suhted 1850–1917. Tallinn, 1998.
- Karjahärm 2007: *Karjahärm, T.* The Image of Russia According to Estonian National Movement Leaders (until 1917) // *Studia Humaniora et Paedagogica Collegii Narvoensis*, II. Narva, 2007.
- Karjahärm-Sirk: *Karjahärm, T., Sirk, V.* Eesti haritlaskonna kujunemine ja ideed. 1850–1917. Tallinn, 1997.
- Laaman 1916: *Laaman, Ed.* Kogutöö Balti pärisrahvastest // Tallinna Teataja. 1916. 24. mai. Nr 115. Lk 2.
- Laaman 1920: *Laaman, Ed.* Eesti lahkumine Vene riigist. 1917–1920. Tallinn, 1920.
- Moskva: Moskva Eesti Selts // Päevaleht. 1915. 22. dets. Nr 295. Lk 2.
- Olesk: *Olesk, P.* Asjadest ajalooliselt // Meie maa. Saare maakonna ajaleht. 2010. 5.07
<http://www.meiemaa.ee/index.php?content=artiklid&sub=2&artid=37131>
- Rets.: Эсты и Латыши... [retsensioon] // Pealinna Teataja (Petrograd). 1916. 1. mai. Nr 99. Lk 2.
- Ruubel 1914: *Ruubel, P.* Intelligentlikust liikumisest meil // Vaba sõna. 1914. Nr 1–12.
- Ruubel 1918: *Ruubel, P.* Noor-Eesti ja poliitika // Kümme aastat. Noor-Eesti 1905–1915. Tartu, 1918.
- Ruubel 1920: *Ruubel, P.* Poliitilised ja ühiskondlikud voolud Eestis (Talu- ja põllupidajate väikekodanlik ajajärk 1860–1905). Tallinn, 1920.
- Ruubel-50: Peeter Ruubel 50-aastane // Postimees. 1935. 12. okt. Nr 278. Lk 6.